

ВИКТОР МАРИ ГЮГО

ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ
ГОД

Виктор Мари Гюго

Девяносто третий год

Серия «История в романах»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28725254

Девяносто третий год: Мир книги, Литература; М.; 2011

ISBN 978-5-486-03672-9

Аннотация

Великий французский писатель, поэт и драматург Виктор Гюго (1802–1885) – один из самых ярких представителей прогрессивно-романтической литературы XIX века. Вот уже более ста лет во всем мире зачитываются его блестящими романами «Собор Парижской Богоматери», «Отверженные», «Девяносто третий год»; со сцен театров не сходят драмы Гюго «Эрнани», «Мария Тюдор» и другие. В данном томе публикуется одно из самых значительных, ярких и смелых изображений Великой французской революции – роман «Девяносто третий год». Он состоит из коротких драматических эпизодов, полных захватывающих приключений и неожиданных сюжетных поворотов. На примере гражданской войны в Вандее между частями республиканской армии и отрядами монархических мятежников, поддерживаемыми местными крестьянами, писатель пытается решить общие для любой революции проблемы: как понимать справедливость;

что важнее – политические убеждения или общечеловеческие ценности; оправдана ли революционная жестокость; почему возвышенная идея обращается в свою противоположность.

Содержание

Часть первая	7
Книга первая. Содрейский лес	7
Книга вторая. Корвет[9] «Клэймор»	26
I. Англия схватилась с Францией	26
II. Ночь на корабле	32
III. Смещение дворянства и разночинства	35
IV. Орудие войны	46
V. Vis et vir[37]	49
VI. Две чаши весов	57
VII. Плавание по морю – та же лотерея	62
VIII. $9 = 380$	67
IX. Кого-то спасают	74
X. Удастся ли ему спастись?	77
Книга третья. Гальмало	81
I. Слово – это глагол	81
II. Крестьянская память стоит искусства полководца	88
Книга четвертая. Тельмарк	104
I. Вершина дюны	104
II. Aures habet, et non audit[66]	108
III. Польза крупных букв	111
IV. Попрошайка	114
V. Подписано: «Говэн»	123

VI. Случайности гражданской войны	127
VII. Пощады не давать (лозунг коммуны)!	134
Пленных не брать (девиз принцев)!	
Часть вторая	143
Книга первая. Симурдэн	143
I. Парижские улицы времен Революции	143
II. Симурдэн	157
III. Уголок, не погруженный в реку забвения	168
Конец ознакомительного фрагмента.	170

Виктор Гюго

Девяносто третий год

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление,
2010

© ООО «РИД Литература», 2010

Часть первая

На море

Книга первая. Содрейский лес

В последних числах мая 1793 года один из батальонов парижской национальной гвардии, приведенных в Бретань Сантерром¹, осуществлял поиск в страшном Содрейском лесу близ Астилье. В батальоне было под ружьем не более трехсот человек, так как все остальные офицеры и солдаты были из строя во время кровопролитной кампании. Подобное явление, впрочем, в те времена было не редкостью: так, после сражений при Аргонни, Жемаппе² и Вальми³ от первого парижского батальона, состоявшего из шестисот волон-

¹ Сантерр Антуан Жозеф (1752–1809) – деятель Великой французской революции, участник штурма Бастилии. В 1792 г. главнокомандующий парижской национальной гвардией, стоял во главе войск, умиривших восстание в Вандее.

² Жемапп – сражение 6 ноября 1792 г. между французской и австрийской армиями. В результате ожесточенных атак французов австрийцы были выбиты с занимаемых позиций и понесли тяжелые потери. Следствием этой блестящей победы был захват Францией всей Бельгии.

³ Вальми – сражение 20 сентября 1792 г. между французской и австро-прусской армиями. Бой представлял собой артиллерийскую дуэль, в которой французы одержали верх, заставив противника отступить и покинуть пределы Франции. Эта победа имела огромные политические последствия.

теров, осталось 27 человек, от второго – 33 и от третьего – 57. То была эпоха эпической борьбы.

Всего в батальонах, присланных из Парижа в Вандею, насчитывалось теперь только 912 человек. При каждом батальоне было по три орудия. Формирование их было осуществлено очень быстро. 25 апреля, при министре юстиции Гойэ⁴ и военном министре Бушотте⁵, комитет общественной безопасности предложил послать в Вандею батальоны волонтеров; докладчиком по этому предложению был Любен. 1 мая Сантерр уже в состоянии был отправить 12 000 солдат, тридцать полевых орудий и один батальон канониров. Эти батальоны, несмотря на быстроту их мобилизации, были так хорошо снаряжены, что в этом отношении они могли бы служить образцом и в наши дни. Действительно, современные линейные батальоны формируются совершенно по той же системе; лишь несколько изменена прежняя пропорция между числом солдат и офицеров.

28 апреля парижская Коммуна дала волонтерам Сантерра следующее напутствие: «Не давать пощады никому». К концу мая из 12 000 человек, отправившихся из Парижа, восьми тысяч уже не было в живых.

Батальон, вступивший в Содрейский лес, продвигался

⁴ Гойэ Луи Жером (1746–1830) – деятель Великой французской революции, член Законодательного собрания, входил в правительство при Директории. После прихода Наполеона к власти отошел от политической деятельности.

⁵ Бушотт Жан Батист Ноэль (1754–1840) – деятель Великой французской революции, якобинец, военный министр в 1793–1794 гг.

вперед с величайшею осторожностью, не торопясь, стараясь глядеть одновременно во все стороны. Недаром Клебер⁶ сказал, что у солдата один глаз должен быть на затылке. Шли что-то уж очень долго. Который бы мог быть час? Какое время дня? Трудно было бы ответить на эти вопросы, потому что в таких непроходимых дебрях всегда стоят сумерки и никогда не бывает полудня.

Содрейский лес уже имел мрачное прошлое. Именно в нем, в ноябре 1792 года, начались ужасы междоусобной войны. Хромоногий изверг Мускетон вышел именно из его зловещей чащи; от одних рассказов о совершенных именно в этом лесу преступлениях волосы на голове становятся дыбом. Словом, более зловещего места трудно было бы отыскать. Солдаты продвигались вперед, точно ощупью. Все было в полном цвету. Кругом возвышалась трепещущая стена из ветвей, распространявшая приятную прохладу; солнечные лучи пронизывали там и сям эту зеленоватую тень; шпажник, болотный касатик, луговой нарцисс, ландыш, весенний шафран расстилались по земле, образуя пышный и пестрый растительный ковер, фон которого составляли разные породы мха, начиная от такого, который похож на гусениц, и кончая тем, который похож на звездочки. Солдаты

⁶ Клебер Жан Батист (1753–1800) – один из наиболее выдающихся французских генералов периода республики. В 1798 г. принял участие в египетской экспедиции Наполеона. После отплытия Бонапарта во Францию принял командование над армией, успешно провел несколько сражений. Погиб от руки фанатика-убийцы.

шли вперед медленным шагом, молча, потихоньку раздвигая кусты. Птички щебетали, носясь над остриями штыков.

Содрейский лес был одной из непроходимых лесных дебрей, в которых, в прежние мирные времена, устраивались ночные охоты на птиц; теперь в нем охотились на людей. Здесь росли березы, буки и дубы, почва была ровная; мох и густая трава заглушали шум людских шагов. В нем не было почти никаких тропинок, а если какие и попадались, то они тотчас же терялись опять. Повсюду виднелись остролистники, дикий терн, папоротник, целая изгородь колючих кустов, так что невозможно было в десяти шагах разглядеть человека. Время от времени в кустарнике пролетали цапли или бекасы, свидетельствовавшие о близости болот.

А люди все шли. Они шли наугад, испытывая тревогу и опасаясь найти то, что они искали. Изредка встречались следы недавних лагерей: выжженные места, смятая трава, жерди в виде крестов, окровавленные сучья. Здесь варили похлебку, там служили обедню, в третьем месте перевязывали раненых. Но те, которые побывали здесь, исчезли. Где же они? Быть может, далеко. А быть может, и тут, совсем близко, где-нибудь за кустом, с мушкетом в руке. Лес казался пустынным. Батальон удвоил осторожность. Безмолвие – верный знак опасности. Никого не видно – значить, есть лишний повод предполагать, что тут кто-нибудь спрятался. Лес вообще пользовался недоброй славой, и было полное основание ожидать засады.

Тридцать гренадеров, высланных под командой сержанта вперед в качестве разведчиков, шли на довольно значительном расстоянии впереди отряда. Их сопровождала маркитантка батальона. Маркитантки вообще любят присоединяться к авангардам; их побуждает к тому любопытство: хотя и опасно, но зато скорее увидишь что-нибудь интересное. Любопытство является у женщин стимулом храбрости.

Вдруг солдаты этого небольшого передового отряда вздрогнули, как вздрагивает охотник, заметивший логовище зверя. Среди чащи слышалось точно чье-то дыхание и листья как будто зашевелились. Солдаты переглянулись. В разведке офицерам редко приходится вмешиваться и что-нибудь приказывать: то, что должно быть сделано, делается само собою.

Менее чем в минуту то место, в котором замечено было движение, было окружено, и дула ружей направились в одну точку, в темную середину чащи; солдаты, взведя курки и уставив глаза в подозрительный пункт, ждали только команды сержанта, чтобы начать стрельбу. Однако маркитантка решила заглянуть сквозь кустарник в чашу и в то самое мгновение, когда сержант собирался скомандовать «пли», она воскликнула: «Стой!» и прибавила, обращаясь к солдатам: «Товарищи, не стреляйте!»

Затем она бросилась в чашу. Солдаты последовали за нею. В самой густой чаще, на краю одной из тех круглых крохотных лужаек, которые образуются в лесах от угольных пе-

чей, сжигающих корни деревьев, и которые похожи на круглые беседки, сидела на мху в углублении, заваленном ветками и похожем на альков, женщина, кормившая грудью ребенка, между тем как на коленях ее лежали две белокурые головки двух других спящих детей. Это и была засада.

– Эй вы, что вы тут делаете? – окликнула ее маркитантка. Женщина подняла голову.

– Что вы, с ума сошли? – продолжала маркитантка, сердитым голосом. – Ведь еще одна секунда – и вас бы подстрелили.

И затем, обращаясь к солдатам, маркитантка прибавила:

– Это женщина.

– Сами видим что женщина, черт побери! – пробормотал один гренадер.

– Что за фантазия забираться в лес, чтобы быть убитой! – продолжала маркитантка. – Ведь придет же в голову этакая глупость!

Женщина, изумленная, растерянная, как бы окаменевшая, озиралась по сторонам, как спросонок, переводя глаза то на ружья, то на сабли, то на штыки, то на сердитые лица солдат. Спавшие на коленях ее дети проснулись и закричали.

– Я есть хочу! – вопил один.

– Я боюсь! – ревел другой.

Только грудной ребенок продолжал спокойно сосать грудь.

– В своем ли ты уме? – продолжала, обращаясь к женщи-

не, маркитантка.

Но женщина от испуга не могла произнести ни слова. Наконец сержант крикнул ей:

– Не бойтесь! Мы – солдаты республики.

Женщина задрожала всем телом. Она взглянула на сержанта. Лицо у того, все обросшее волосами, из-под которых, как два уголька, светились два глаза, не имело в себе ничего особенно успокоительного.

– Да, да, это батальон Красной Шапки, бывший Красного Креста, – подтвердила маркитантка.

– Ты кто такая будешь, сударыня? – продолжал сержант.

Но женщина только испуганно таращила на него глаза. Она была молода, бледна, худощава и одета в рубище; вместо всякой одежды на ней накинута было старое шерстяное одеяло, завязанное около шеи бечевкой, а на голове у нее был надет неуклюжий капор бретонских крестьянок. Она выставляла напоказ свою обнаженную грудь с равнодушием самки. Ее босые ноги были все в крови.

– Это, должно быть, нищенка, – проговорил сержант.

– Как вас звать? – спросила маркитантка более мягким голосом.

– Мишель Флешар, – пробормотала женщина, запинаясь и едва слышно.

Маркитантка, приблизившись к ней, стала гладить своей большой и грубой рукой голову грудного ребенка.

– Сколько ему месяцев? – спросила она.

Мать не поняла, и маркитантка повторила свой вопрос.

– А-а! – ответила мать. – Восемнадцать месяцев.

– Ну, в таком возрасте пора бы уже и отнять его от груди, – заметила маркитантка. – Поручите-ка его мне; мы его накормим супом.

Мать стала успокаиваться. Оба старших ребенка, окончательно проснувшись, проявляли больше любопытства, чем испуга, и с видимым удовольствием рассматривали плюмажи солдат.

– Да, да, – заговорила мать, – они очень голодны. А у меня больше нет молока, – прибавила она.

– Их накормят, – закричал сержант, – и тебя также. Но прежде всего: каковы твои политические убеждения?

Женщина взглянула на сержанта и молчала.

– Слышала, что я тебя спрашиваю? – строго промолвил сержант.

– Меня отдали в монастырь ребенком, – пробормотала она, – но я не захотела сделаться монахиней и вышла замуж. Сестры научили меня говорить по-французски. Нашу деревню сожгли. Я так торопилась бежать, что не успела обуться.

– Я тебя спрашиваю, каковы твои политические убеждения?

– Я не знаю, что это значит.

– Дело в том, что здесь немало развелось шпионов, – продолжал сержант, – а мы их расстреливаем, этих шпионов. Ну же, говори! Ведь ты не цыганка? Где твоё отечество?

Женщина продолжала смотреть на него, как бы не понимая его. Сержант повторил свой последний вопрос.

– Я не знаю, – ответила она.

– Как?.. ты не знаешь, где твоя родина?

– А-а, где моя родина? Как же, знаю.

– Ну, так где же твоя родина?

– В Азеском приходе, на Сисконьярской ферме, – ответила женщина.

Теперь сержант удивился в свою очередь. Он на минуту задумался и затем переспросил:

– Как ты сказала? Сисконьярская ферма? Да это не отечество!

– Но я там родилась, – настаивала женщина и прибавила, подумав с минуту: – А-а, теперь я поняла, сударь! Вы родом из Франти, а я – из Бретани.

– Ну, так что ж такое?

– Да ведь это две различные страны!

– Но отечество-то это общее! – закричал сержант.

– Я родом из Сисконьяра, – продолжала твердить женщина.

– Ну, пусть будет из Сисконьяра, – согласился сержант. – Так там живет твоя семья? Чем она занимается?

– Моя семья вся умерла. У меня никого не осталось родных.

Сержант, будучи от природы не дурак поговорить, продолжал свой допрос:

– Ну, так если теперь не осталось, так были же прежде, черт побери! Кто ты такая? Говори!

Женщина продолжала слушать, вся растерянная. Наконец маркитантка нашла нужным вмешаться в дело. Она снова принялась гладить грудного младенца по головке и похлопала по щечкам двух старших.

– Как зовут эту сосуню? – спросила она. – Ведь это девочка, не так ли?

– Жоржетта, – ответила мать.

– А старшего? Ведь это мужчина, этот шалун?

– Рене-Жан.

– А младшего? Ведь это тоже мужчина, да еще какой толстощекий?

– Гро-Ален, – ответила мать.

– Хорошенькие мальчики, – продолжала маркитантка. – Надо полагать, что из них выйдет прок.

– Ну, так говори же, сударыня, – настаивал сержант, – есть ли у тебя свой дом?

– Был дом, в Азэ, но теперь нет.

– Отчего же ты не живешь в своем доме?

– Потому что его сожгли.

– Кто сжег?

– Не знаю. Кажется, битва сожгла.

– Откуда же ты идешь?

– Оттуда и иду.

– А куда?

– Я сама не знаю.

– Дело говори. Кто ты такая?

– Не знаю.

– Как, ты не знаешь, кто ты такая?

– Я просто женщина, ищущая спасения для себя и для своих детей.

– К какой ты принадлежишь партии?

– Не знаю.

– Принадлежишь ли ты к синим? К белым? За кого ты стоишь?

– Я стою за своих детей.

Наступило молчание. Наконец маркитантка снова вмешалась в разговор.

– У меня никогда не было детей, – заметила она. – У меня на это не хватало времени.

– А родители твои? – продолжал сержант. – Изволь-ка, сударыня, сообщить нам что-нибудь о твоих родителях. Моя фамилия Радуб, я сержант, я родился в Париже на улице Шерш-Миди, где родились также и мой отец и моя мать. Видишь, я не стесняюсь говорить о своих родителях. Так не угодно ли и тебе рассказать о своих?

– Их фамилия была Флешар. Вот и все.

– Ну, Флешар так Флешар, Радуб так Радуб. Но всякий человек принадлежит к какому-нибудь сословию. К какому же сословию принадлежали твои родители? Чем они занимаются или, по крайней мере, чем они занимались?

– Они были земледельцы. Отец мой был человек хворый и не мог работать, вследствие того что барин, его барин, наш барин, приказал избить его палками, что было еще очень милостиво, так как отец мой украл кролика, за что, собственно, полагается смертная казнь. Но барин наш помиловал его и сказал: «Дайте ему только сто палок». И отец мой остался калекой.

– Продолжай.

– Дед мой был гугенот, и наш приходский священник устроил так, что его сослали на каторжные работы. Я в то время была еще совсем маленькая.

– Продолжай.

– Отец моего мужа занимался продажей соли. Король велел его за это повесить.

– А муж твой? Чем он занимается?

– В последние дни он сражался.

– За кого?

– За короля, за нашего барина, за господина кюре.

– Черт побери этих скотов! – воскликнул один из гренадеров.

Женщина вздрогнула.

– Вы видите, сударыня, что мы парижане, – любезно заметила маркитантка.

– О, Господи Иисусе! – воскликнула женщина, складывая руки, как бы для молитвы.

– Пожалуйста, без этих глупостей! – строго заметил сер-

жант.

Маркитантка уселась возле женщины и привлекла к себе на колени одного из мальчиков, который нисколько не упирался. Дети так же легко успокаиваются, как и легко пугаются. И то и другое часто бывает без всякой видимой причины. Должно быть, в них говорил какой-нибудь внутренний голос.

– Ну, милая моя землячка, – заговорила маркитантка, – у вас премилые ребята, это верно. Не трудно угадать их возраст. Старшему четыре года, а вот этому – три. А эта сосулька – удивительная обжора. Ах ты, дрянная девчонка! Да ты этак совсем съешь свою маму! Не бойтесь, сударыня. Только я бы посоветовала вам поступить в наш батальон. Берите пример с меня. Зовут меня Гусарихой. Это, конечно, прозвище, но мне больше нравится, чтобы меня звали Гусарихой, чем мамзель Бикорно, как звали мою мать. Я – шинкарька, я, так сказать, утоляю жажду людей, занятых взаимным истреблением. Всякому свое. У нас с вами, кажется, одинаковая нога: я вам дам надеть свои башмаки. Я была в Париже десятого августа⁷ и угощала вином самого Вестермана⁸.

⁷ 10 августа 1792 года – в этот день якобинцы организовали штурм дворца Тюильри. Король Людовик XVI был арестован и заключен в тюрьму. Реальное сопротивление восставшим оказал только полк швейцарских гвардейцев, которые прекратили сопротивление по приказу короля и почти все были убиты обезумевшими восставшими.

⁸ Вестерман Франсуа Жозеф (1755–1794) – деятель Великой французской революции, генерал. Один из руководителей восстания 10 августа 1792 г. Служил в армии Дюмуре, командовал войсками в Вандее. Друг Дантона, казнен вместе с ним.

Вот это был денек! Я видела, как отрубили голову Людовику Шестнадцатому, т. е. Людовику Капету, хотела я сказать. Ах, как ему не хотелось умирать! Послушайте-ка, вы знаете, что еще не далее как тринадцатого января он сам жарил каштаны и смеялся в кругу своего семейства. Когда его насильно положили на доску, на нем не было уже ни кафтана, ни башмаков; он был одет только в рубашку, пикейный жилет, панталоны из серого сукна и серые же шелковые чулки. Ну, так идемте с нами, что ли? Славные ребята в нашем батальоне. Вы будете второй маркитанткой, я вас научу всем приемам. Тут, впрочем, нет ничего мудреного. У вас будет манерка и колокольчик, вы будете расхаживать среди сражающихся, звоня в колокольчик, чтобы вас было слышно при пушечной и ружейной пальбе и вообще среди шума битвы, и будете выкрикивать: «кто желает выпить чарочку, ребята?» Вот и вся недолга! Я угощаю всех без различия, и белых и синих, – ей-богу! – хотя сама я принадлежу к синим и даже к темно-синим. А все же я не откажу никому в чарке вина. Ведь раненые всегда чувствуют сильную жажду, а умирать одинаково тяжело, к какой бы партии ни принадлежать. Знаете ли, людям умирающим следовало бы перед смертью пожимать друг другу руку. Как глупо драться! Ну, так идемте же с нами. Если меня убьют, вы заступите на мое место. Видите ли, я в сущности добрая женщина и хороший человек. Не бойтесь ничего.

Когда маркитантка перестала тараторить, женщина про-

бормотала:

– Нашу соседку звали Мари-Жанной, а нашу работницу Мари-Клод.

Тем временем сержант Радуб журил гренадера.

– Замолчишь ли ты, – говорил он. – Ты ее напугал. В присутствии дам нельзя браниться.

– Да как же тут не браниться честному человеку, – ворчал гренадер, – когда видишь таких уродов, свекор которых был искалечен барином, тесть отправлен по милости попа на кааторгу, а отец повешен по милости короля, и которые тем не менее, черт побери, бунтуют, хватаются за оружие и лезут на смерть из-за своего барина, попа, короля!

– Молчать! – закричал сержант.

– Молчу, молчу, господин сержант, – произнес гренадер. – Но тем не менее досадно видеть, что такая хорошенькая женщина рискует жизнью из-за какого-то сумасброда.

– Гренадер, – строго заметил сержант, – здесь не политический клуб, нечего разглагольствовать. – И он продолжил, обращаясь к женщине: – А твой муж, сударыня? Чем он занимается? Что с ним случилось?

– Он ничем не занимается, так как его убили.

– Убили? Когда? Где?

– Три дня тому назад, в рядах ополчения.

– Кто же его убил?

– Не знаю.

– Как, ты не знаешь, кто убил твоего мужа? По крайней

мере, был ли это синий, белый?

– Не знаю. Я знаю только, что он был убит выстрелом из ружья.

– Три дня тому назад, говоришь ты? Но в каком месте?

– Около Эрнэ. Мой муж был убит в сражении. Вот и все.

– А с тех пор, как муж твой умер, что ты делаешь?

– Вот, несу моих малюток.

– Куда же ты их несешь?

– Куда глаза глядят.

– А где же ты ночуешь?

– Под открытым небом.

– Чем ты питаешься?

– Ничем.

Сержант повел своими усищами и переспросил:

– Ничем?

– То есть терновыми ягодами, ежевикой, морошкой, которые остались от прошлого года, черникой, молодыми побегами папоротника.

– Только-то? Ну, это все равно, что ничем.

Старший из мальчиков, должно быть, поняв, о чем шел разговор, пролепетал:

– Есть хочется!

Сержант вынул из кармана кусок черного хлеба и подал его матери. Та разломилла кусок пополам и отдала по куску каждому из мальчиков, которые с жадностью принялись его есть.

– А для себя она ничего не оставила, – проворчал сквозь зубы сержант.

– Значит, не голодна, – заметил один из солдат.

– Нет, это значит, что она мать, – возразил сержант.

– Я пить хочу, – заговорил один из мальчиков.

– Я пить хочу, – повторил другой.

– Да ведь в этом чертовском лесу нет даже и ручейка, – сердито произнес сержант.

Маркитантка сняла со своего пояса медную чарку, прицепленную рядом с колокольчиком, отвернула кран жбана, висевшего у нее через плечо, наполнила чарку и поднесла ее к губам детей. Старший хлебнул и скорчил гримасу. Младший хлебнул и выплюнул.

– Что же вы? Ведь это же вкусно, – сказала маркитантка.

– Это что такое? Горлодер? – спросил сержант.

– Да, и притом первого сорта. Но ведь они мужичье! – и она сердито вытерла чарку.

– Итак, сударыня, – снова начал сержант, – ты таким образом спасаешься в лесу?

– Что же делать! Я бегу, пока хватает сил, потом иду потише, потом падаю.

– Вот бедняга! – проговорила маркитантка.

– Кругом дерутся, – пробормотала женщина. – Отовсюду только и слышишь, что ружейные выстрелы. Я не знаю, чего им друг от друга нужно. У меня убили мужа, – я смогла понять только это.

– Что за глупая вещь война, черт побери! – воскликнул сержант, стукнув о землю прикладом своего ружья.

– Прошлую ночь мы переночевали в мшиннике, – продолжала женщина.

– Как в мшиннике? Быть может, в дупле? Значит, вы все четверо ночевали стоя?

И он продолжал, обращаясь к солдатам:

– Ребята, эти дикари называют мшинником толстое, пу-
стое внутри дерево, в которое человек может влезть, точно в
футляр. Что поделаешь с их невежеством! Ведь не всякому
довелось побывать в Париже.

– Спать в дупле! – воскликнула маркитантка. – Да еще с
тремя ребятишками!

– Воображаю себе, – продолжал сержант, – как смешно
было проходим, ничего не видевшим, слышать раздавав-
шийся из дупла детский рев и крики: «папа», «мама».

– Хорошо еще, что теперь лето! – вздохнула женщина, и
она, с покорным видом, потупила глаза, как бы преклоняя
голову перед обрушившеюся на нее тяжестью катастрофы.

Солдаты молча обступили ее. Вдова, трое сирот, бегство,
одинокчество, беспомощность, война, обложившая тучами
весь горизонт, голод, жажда, трава для утоления голода, небо
вместо крова – этот избыток несчастья, очевидно, произво-
дил на них тяжелое впечатление.

Сержант приблизился к женщине и стал пристально смот-
реть на девочку, прижавшуюся к груди. Малютка переста-

ла сосать, потихоньку повернула голову, взглянула своими светлыми голубыми глазками на наклонившееся над нею страшное, обросшее волосами лицо и улыбнулась. Сержант выпрямился, и крупная слеза скатилась по его щеке, остановившись, точно жемчужина, на кончике его громадного уса.

– Ребята, – заговорил он, – я по всему вижу, что батальону вскоре придется сделаться отцом семейства. Не так ли? Давайте, усыновим этих трех малюток!

– Да здравствует республика! – раздалось в группе гренадер.

– Значит, дело кончено, – промолвил сержант. Он распростер обе руки над головами матери и детей и прибавил: – Вот дети батальона Красной Шапки.

– Три головки под одной шапкой! – воскликнула маркизантка и даже подпрыгнула от радости. Потом она зарыдала, принялась целовать бедную вдову и сказала ей:

– А какая плутовская рожица у твоей малютки!

– Да здравствует республика! – повторили солдаты.

А сержант, обращаясь к матери, промолвил:

– Так идите же с нами, сударыня!

Книга вторая. Корвет⁹ «Клэймор»

I. Англия схватилась с Францией

Весной 1793 года, в то время, как Франция, подвергшаяся одновременному нападению со всех сторон, развлекалась трагическим падением жирондистов¹⁰, в Ламаншском архипелаге происходило следующее:

1 июня вечером, приблизительно за час до захода солнца, в туманную погоду, удобную для бегства именно потому, что она опасна для плавания, в небольшой, пустынной бухте Боннюи поднимал паруса какой-то корвет. Экипаж этого судна состоял из французов, хотя само оно и входило в состав крейсировавшей около этого берега английской флотилии и как бы стояло на часах у западной оконечности острова. Английской флотилией командовал Латур д'Овернь, потомок герцогов Бульонских, по приказу которого и был от-

⁹ Корвет – трехмачтовое военное парусное судно с открытой оружейной батареей, предназначенное для разведывательной и посыльной службы и несшее 20–30 орудий.

¹⁰ Жирондисты – политическая группировка периода Великой французской революции. Название «жирондисты» дано историками позднее – по департаменту Жиронда, откуда родом были многие деятели группировки. Лидеры: Бриссо, Верньо, Кондорсе и др. После свержения монархии (10 августа 1792) стали у власти. Восстание 31 мая – 2 июня 1793 г. лишило жирондистов власти. В октябре 1793 г. часть их была казнена.

правлен сюда корвет для выполнения важного и срочного поручения.

Корвет этот, названный при закладке «Клэймор», с виду напоминал транспортное судно, но, в сущности, был военным кораблем. Действительно, на первый взгляд он казался тяжеловесным коммерческим судном; но это только на первый взгляд. При постройке его имелись в виду две цели: боевая мощь и внешняя обманчивость; в случае необходимости он должен был сражаться, в остальное время – вводить в обман. Ввиду возложенного на судно в эту ночь поручения, на второй палубе, вместо груза, были поставлены тридцать орудий большого калибра, так называемых карронад¹¹. Но эти пушки – потому ли что ожидалась буря, или для того, чтобы придать судну совершенно мирный вид, – были принатовлены, или, что то же самое, прочно прикреплены тройными цепями, с приставленными к закрытым люкам жерлами. Снаружи ничего нельзя было заметить; пушечные порты были наглухо закрыты ставнями; корвет точно надел на себя маску. Карронады стояли на лафетах старинного образца. Обычно на корветах орудия располагаются только на верхней палубе; этот же, предназначенный и для нападения врасплох, имел верхнюю палубу невооруженной, а все его орудия, как уже сказано, были установлены на нижней палубе.

¹¹ Карронада – короткая чугунная морская пушка большого калибра, стрелявшая небольшим зарядом на близкие дистанции. Впервые изготовлена в Англии в 1779 г. литейным заводом Каррон. Вследствие уменьшенной скорости ядра этого орудия производили очень большие разрушения.

«Клэймор» представлял собою массивное, довольно неуклюжее судно, но тем не менее обладал хорошим ходом. Едва ли во всем английском флоте можно было встретить более прочный корпус, а в морском сражении это судно постояло бы за себя не хуже фрегата¹², хотя вместо бизань-мачты¹³ у него была всего небольшая жердь, с косым грот-контр-бизанем. Его руль, очень редкой конструкции, изготовленный на саутгемптонской верфи, имел короткие тимберсы¹⁴ и обошелся в 50 фунтов стерлингов.

Экипаж корвета состоял исключительно из французов – офицеров-эмигрантов и матросов-дезертиров. Все люди были подобраны весьма тщательно: они были хорошие моряки, храбрые солдаты, убежденные роялисты; все были тройными фанатиками: своего судна, своего меча и своего монарха. Кроме собственно экипажа судна, на корвете находился еще полубатальон морской пехоты, на случай высадки десанта.

Капитаном «Клэймора» был граф Буабертло, кавалер ордена Святого Людовика, один из лучших офицеров бывшего французского королевского флота, помощником его – шевалье¹⁵ де Лавьевиль, командовавший в королевской гвардии

¹² Фрегат – в парусном флоте трехмачтовый военный корабль, второй по величине после линейного корабля.

¹³ Бизань-мачта – третья мачта, считая с носа.

¹⁴ Тимберс – короткий деревянный брус.

¹⁵ Старинный дворянский титул во Франции. (*Примеч. ред.*)

той самой ротой, в которой Гош¹⁶ был сержантом; а лоцманом – самый опытный из джерсейских судовладельцев, некто Филипп Гакуаль.

Нетрудно было догадаться, что это судно предназначалось для какой-то особой миссии. Действительно, на него только что сел человек, который, как по всему было видно, пускался в какое-то приключение. Это был старик высокого роста, крепко сложенный, державшийся прямо, со строгим лицом, по которому было бы трудно определить возраст этого человека, так как оно казалось одновременно и старым и молодым; один из тех людей, у которых за спиною много лет, но которые еще полны силы, волосы которых седые, но глаза блестят юношеским огнем, которым, судя по их бодрости, можно дать сорок лет, а судя по их почтенному виду – и все восемьдесят. В то время, как он поднимался на корвет, его морской плащ распахнулся, и из-под него показались широкие шаровары, высокие ботфорты и куртка из козьей шкуры, шерстью внутрь, обшитая позументом, – словом, полный костюм бретонского крестьянина. Эти бретонские куртки имели двоякое назначение, служили в одно и то же время и будничным, и праздничным костюмом и могли, по желанию, выворачиваться или мехом или кожей кверху – в первом случае для будней, во втором – для праздни-

¹⁶ Гош Лазарь (1768–1797) – французский полководец, генерал. Сделал блестящую военную карьеру, удачно воевал в 1793 г. против австрийцев. Разумно сочетая военные и политические действия, подавил восстание в Вандее. Скоропостижно умер, оставив по себе репутацию рыцарски благородного воина.

ков. Крестьянская одежда, бывшая на этом старике, как бы для большего сходства с действительностью, была потерта на локтях и на коленях и, по-видимому, уже достаточно поношена, а плащ из грубой материи завершал облик простого рыбака. Голову старика покрывала модная в то время широкополая и высокая шляпа, которая, когда поля ее были опущены, напоминала шляпы земледельцев, а с приподнятыми полями и пристегнутой к тулье петлицей с кокардой напоминала военный головной убор. В данную минуту шляпа на старике была надета по-крестьянски, без петлицы и кокарды.

Губернатор Джерсея, лорд Балькаррас, и герцог Латур д'Овернь¹⁷ лично проводили его на корвет и водворили его на нем.

Доверенное лицо эмигрантской знати Желамбр, бывший адъютант графа д'Артуа¹⁸, сам наблюдал за устройством его каюты и довел свою почтительность и заботливость до того, что нес за стариком его чемодан, хотя сам был природный дворянин. Расставаясь с этим стариком, чтобы вернуться на берег, Желамбр отвесил ему низкий поклон. Лорд Балькаррас сказал ему: «Желаю вам успеха, генерал», а герцог Латур д'Овернь обратился к нему со словами: «До свидания,

¹⁷ Латур д'Овернь – французский дворянский род, ведущий свое начало с XIII в., с 1772 г. его представители носили герцогский титул. Трудно сказать, кого имел в виду автор.

¹⁸ Карл X (Филипп д'Артуа) (1757–1836) – король Франции с 1824 г. С 1789 по 1815 г. в эмиграции. Заняв трон, управлял страной в реакционном духе, что привело к революции 1830 г., после которой он опять эмигрировал.

кузен».

Экипаж тотчас же после появления на корвете этого пассажира стал называть его в кратких и отрывистых разговорах между собою: «Крестьянин»; но, не имея о нем никакой информации, все отлично понимали, что этот пассажир настолько же крестьянин, насколько их военный корвет – торговое судно.

Дул слабый ветер. «Клэймор» вышел из Бонньюи, прошел мимо Булей-бея и некоторое время шел вдоль берега; затем он повернул в море и вскоре совсем скрылся в темноте.

Час спустя Желамбр, возвратившись в свою квартиру в Сент-Элие, послал со срочным саутгемптонским курьером графу д'Артуа, находившемуся при главной квартире герцога Йоркского¹⁹, следующие строки: «Ваше высочество, отъезд состоялся. Успех несомненен. Через неделю весь берег, от Гранвиля до Сен-Мало, будет объят пламенем».

За четыре дня перед тем марнский депутат Приэр²⁰, посланный с особыми поручениями к армии, занимавшей побережье близ Шербурга, и находившийся в данное время в Гранвилле, получил написанное тем же почерком, что и

¹⁹ Герцог Йоркский Фредерик (1763–1827) – носил этот титул с 1784 г. В 1793 г. командовал британскими войсками в Нидерландах, в 1795 г. возглавлял неудачную англо-русскую экспедицию в Голландии.

²⁰ Приэр Пьер Луи (1756–1827) – деятель Великой французской революции, якобинец, член Учредительного собрания, был членом Конвента и Комитета общественного спасения. В качестве комиссара Конвента принимал активное участие в подавлении восстания в Вандее.

вышеупомянутая записка, следующее письмо:

«Гражданин-депутат! 1 июня, во время прилива, корвет «Клэймор», с замаскированными пушками, выйдет из порта для того, чтобы высадить на берег Франции одного человека с нижеследующими приметами: высокого роста, старик, седые волосы, аристократические руки, одет в крестьянское платье. Завтра вышлю вам дальнейшие подробности. Он высадится 2-го числа, утром. Дайте знать нашим крейсерам, захватите корвет, а этого человека прикажите гильотинировать».

II. Ночь на корабле

Корвет, вместо того чтобы взять южное направление и идти в Сент-Катрин, сначала пошел на север, затем повернул на запад и вошел между островами Серк и Джерсей в пролив, называемый «Гибельным Проходом». В то время в этом проливе не было ни одного маяка ни на том, ни на другом берегу.

Солнце зашло; ночь была темнее, чем обыкновенно бывают летние ночи. Хотя по календарю и полагалась луна, но густые тучи, какие чаще бывают во время равноденствия, чем во время солнцестояния, покрывали небо, и по всему можно было заключить, что луна будет видна только тогда, когда она приблизится к горизонту, то есть перед самым ее захо-

дом. Облака полностью покрывали небо.

Темнота для корвета была как нельзя кстати. Намерение лоцмана Гакуаля заключалось в том, чтобы, оставив Гернсей справа, добраться при помощи какого-нибудь смелого маневра, пройдя между Гануа и Дувром, до какой-нибудь бухты на побережье Сен-Мало. Путь этот был более длинен, чем через Ле-Менкье, но зато более безопасен, так как французскому крейсеру велено было стеречь преимущественно побережье между Сент-Элие и Гранвиллем. Если ветер будет благоприятен, так что можно будет поднять все паруса, и если ничего не произойдет, Гакуаль надеялся пристать с рассветом к берегу Франции.

Все шло хорошо. Корвет только что прошел Большой Нос. Около девяти часов ветер начал свежеть и поднялась волна; однако ветер был попутный, хотя при некоторых шквалах нос корвета совсем погружался в воду.

«Крестьянин», которого лорд Балькаррас назвал «генералом», а герцог Латур д'Овернь «кузеном», по-видимому, не боялся качки и со спокойной важностью прогуливался по палубе корвета, как бы вовсе не замечая бурного моря. Время от времени он вынимал из кармана своей куртки плитку шоколада, откусывал от нее кусочек и разжевывал, доказывая этим, что, несмотря на белые волосы, у него еще достаточно крепкие зубы. Он ни с кем не разговаривал, обращаясь лишь иногда вполголоса к капитану, слушавшему его с выражением величайшего почтения и считавшего, по-видимому, на-

стоящим капитаном судна этого пассажира, а не самого себя.

«Клэймор», под искусным руководством лоцмана, прошел совершенно незамеченный, благодаря туману, мимо северного берега Джерсея, держась к нему очень близко, очевидно, для того, чтобы не наткнуться на опасный подводный камень Пьер-де-Лек, находящийся как раз посредине пролива между Джерсеем и Серком. Гакуаль, стоя у руля и различая поочередно сквозь туман Грев-де-Лек, Большой Нос и Плэнмон, ловко провел корвет между этими подводными скалами с уверенностью человека, чувствующего себя здесь дома и знакомого с капризами океана. На носу корвета не был выставлен огонь из опасения, чтобы судно не было замечено в этих строго охраняемых водах; его экипаж даже радовался туману. Наконец корвет поравнялся с Гранд-Этапом; туман был так густ, что едва можно было различить высокий силуэт Пинакля. Слышно было, как на Сент-Уэнской колокольне пробило десять часов – ясное доказательство того, что ветер продолжал дуть с берега. Все по-прежнему шло хорошо; только море становилось более беспокойным благодаря соседству Корбьера.

В начале одиннадцатого часа граф Буабертло и шевалье Лавьевилль проводили пассажира в крестьянском костюме в отведенную ему каюту, то есть в собственную каюту капитана. Прежде чем войти в нее, он сказал им, понизив голос:

– Вам известно, господа, – только это тайна, величайшая тайна, молчание до самого момента взрыва! – Вам одним из-

вестно здесь мое имя.

— Мы унесем его с собою в могилу, — ответил Буабертло.

— Что касается меня, — сказал старик, — то я не назову его, хотя бы мне угрожала смерть.

И затем он вошел в свою каюту.

III. Смещение дворянства и разночинства

Капитан и его помощник снова поднялись на палубу и стали, разговаривая, прохаживаться по ней. Темой их разговора был странный пассажир.

— Мы вскоре увидим, каков он в роли вождя, — прошептал Буабертло на ухо Лавьевиллю.

— Пока мы знаем только, он принц, — ответил Лавьевилль.

— Да как сказать.

— То есть во Франции-то он просто дворянин, но в Бретани — принц.

— Так же как Тремуйли и Роганы.

— Он, кстати, в родстве с ними.

— Но во Франции, при дворе короля, — продолжал Буабертло, — он такой же маркиз, какой я граф, а вы шевалье.

— Ну, двор-то этот теперь далеко. Про него можно, пожалуй, сказать: поминай как звали.

После некоторого молчания Буабертло продолжал:

— Что делать! За неимением французского принца, при-

ходится довольствоваться принцем бретонским.

– За неимением дроздов... нет, за неимением орла, удовольствуемся вороном.

– Коршун бы, по-моему, лучше, – проговорил Буабертло.

– Конечно! Все же когти и клюв! – согласился Лавьевилль.

– Посмотрим.

– Да, – продолжал Лавьевилль, – пора, наконец, чтобы явился настоящий предводитель. Я согласен с мнением Тентеньяка, что все, что теперь нужно, это – предводитель и порох. Видите ли, капитан, я знаю почти всех возможных и невозможных вождей; бывших, настоящих и будущих: но ни одного из них я не считаю той умной головой, которая нам теперь необходима. В этой чертовской Вандее необходим генерал, который был бы в то же время и прокурором. Нужно надоедать врагу, оспаривать у него каждую мельницу, каждый кустик, каждый ров, каждый камешек, дразнить его, пользоваться всем, следить за всем, беспощадно убивать, запугивать, не знать ни сна, ни покоя. В настоящее время в этой мужицкой армии встречаются герои, но нет вождя: Д’Эльбе – ничтожество. Лескюр²¹ – болен, Боншан²² – скло-

²¹ Лескюр Луи Мари (1766–1793) – французский политический деятель, маркиз, один из вождей восстания в Вандее. Был тяжело ранен в бою и при отступлении умер.

²² Боншан Шарль Мельхиор Артур (1760–1793) – французский дворянин, маркиз, в качестве волонтера принимал участие в войне за Независимость Соединенных Штатов. Во время восстания в Вандее был избран крестьянами вождем одного из отрядов. Скромность и военный талант принесли ему непререкаемый

нен всех миловать и щадить; он чересчур добр, а это неразумно. Ларошжаклен²³ превосходен, как второстепенный деятель; Сильц недурен в открытом поле, но не годится для партизанской войны; Кателино²⁴ – наивный извозчик, Стоффле²⁵ – хитрый лесной объездчик, Берар – тупица, Буленвилье – просто смешон, Шаретт²⁶ – ужасен. Я уже не говорю об этом цирюльнике Гастоне. В самом деле, почему, черт возьми, мы придираемся после этого к революции и какая же после того разница между нами и республиканцами, если мы сами назначаем парикмахеров начальниками над дворянами!

– Дело в том, что эта проклятая революция начинает отравлять и нас.

– Это просто какая-то короста на теле Франции.

– То есть короста, собственно, только на третьем сосло-

авторитет у восставших. В битве при Шалэ 17 октября 1793 г. был смертельно ранен и вскоре скончался.

²³ Ларошжаклен Анри (1772–1794) – французский дворянин, принимал деятельное участие в восстании в Вандее, возглавив его после смерти д’Эльбе. Убит в сражении при Нуалье.

²⁴ Кателино Жак (1759–1793) – один из вождей восстания в Вандее, обнаружил блестящие военные способности. После взятия Сомюра провозглашен «главнокомандующим католической королевской армией». Погиб при штурме Нанта.

²⁵ Стоффле Никола (1751–1796) – один из руководителей восстания в Вандее, после смерти Кателино возглавил восстание. Попал в плен к республиканцам и был расстрелян.

²⁶ Шаретт де Ла Контри Франсуа Атаназ (1763–1796) – французский морской офицер, один из лидеров восстания в Вандее. Потерпел поражение, пытаясь подержать со своими силами высадку роялистского десанта, и был расстрелян.

вии, – ответил Буабертло. – Одна только Англия может помочь нам в этом деле.

– И поможет, вы в этом не сомневайтесь, капитан.

– Да, но пока все это очень некрасиво.

– Конечно! Всюду какое-то мужичье. Монархия, имеющая главнокомандующим какого-то Стоффле, бывшего лесного объездчика у господина де Молеврье, ничем не лучше республики, имеющей министром Паша²⁷, сына швейцара герцога де Кастри. Прелестные парочки встречаются в этой Вандейской войне; с одной стороны, пивовар Брассер, с другой – парикмахер Гастон.

– Нет, любезный Лавьевилль, я несколько иначе смотрю на этого Гастона. Он действовал совсем недурно, находясь под начальством Гемене. А как он расстрелял триста синих, предварительно заставив их самих вырыть для себя могилу! Ведь это очень недурно!

– Великая важность! И я точно так же поступил бы на его месте.

– Кто же в этом сомневается! И я так же...

– Для войны, – продолжал Лавьевилль, – нужны дворяне. Это дело рыцарское, а не парикмахерское.

– Однако в этом, так называемом третьем сословии, – возразил Буабертло, – встречаются почтенные личности. Возь-

²⁷ Паш Жан Никола (1746–1823) – деятель Великой французской революции, жирондист, впоследствии примкнул к якобинцам. Занимал посты военного министра и мэра Парижа. Был сторонником террора. После падения Робеспьера отошел от политической деятельности.

мите, например, этого часовщика Жоли. Он раньше был сержантом во Фландрском полку, а потом сделался предводителем вандейцев и командует теперь отрядом на побережье; а его сын – республиканец, так что отец служит белым, а сын – синим. Оба отряда встретились, произошла стычка, отец берет сына в плен и убивает его из пистолета.

– Молодец! – воскликнул Лавьевилль.

– Да, настоящий роялистский Брут.

– А все-таки нет ничего веселого в том, что нами предводительствуют разные Кокеро, Жан-Жаны, Мулены, Фокары, Бужю, Шуппы.

– Любезный шевалье, да ведь мы то же видим и с противоположной стороны. В наших рядах немало мещан, в их рядах не меньше дворян. Неужели вы думаете, что санкюлотам очень приятно состоять под начальством виконта Богарне²⁸, виконта Миранда, Канкло, графа Баланса, маркиза Кюстина²⁹, гер-

²⁸ Богарне Александр (1760–1794) – французский генерал, виконт. Участник войны за Независимость Соединенных Штатов. В 1789 г. избран в Генеральные штаты. Поддержал Великую французскую революцию. В 1792 г. отличился, командуя армией против австрийцев. За неудачные действия в 1793 г. против прусской армии смещен с должности, арестован, предан революционному суду и гильотинирован.

²⁹ Кюстин Адам-Филипп (1740–1793) – французский генерал, маркиз. Отличился во время Семилетней войны и войны за Независимость Соединенных Штатов. В 1789 г. избран в Генеральные штаты. В 1792 г. командовал французской армией на Рейне, после многочисленных успехов был вынужден оставить Майнц и Франкфурт, за что был обвинен Конвентом в измене и казнен.

цога Бирона³⁰ и, наконец, самого герцога Шартрского³¹?

– Ах, да, сын Филиппа Эгалите³². Кстати, когда же этот Филипп станет королем?

– Надеюсь, что никогда.

– А между тем он пробирается к престолу, проявляя крайнюю неразборчивость в средствах.

– Но ему будут сильной помехой его пороки.

– Он, однако, не прочь был бы помириться, – продолжал Буабертло после некоторого молчания. – Он приезжал в Версаль к королю, и я сам был свидетелем того, как ему плюнули в глаза с верхней ступеньки большой лестницы.

³⁰ Бирон Арман Луи де Гонто (1747–1793) – французский генерал, герцог. Принимал участие в войне за Независимость Соединенных Штатов. В 1789 г. избран в Генеральные штаты, где примкнул к сторонникам революции. В 1792 г. успешно командовал армией в войне против Австрии. В 1793 г. послан подавить восстание в Вандее, где, не желая участвовать в братоубийственной войне, подал в отставку. После этого был обвинен в измене, арестован и казнен.

³¹ Шартрский герцог Луи Филипп (1776–1856) – король Франции в 1830–1848 гг., сын Филиппа Эгалите. В 1789 г. поддержал Великую французскую революцию, участвовал в сражениях против войск европейской коалиции. В 1793 г. принял участие в заговоре Дюмуре, после чего бежал за границу. После свержения в 1848 г. опять эмигрировал.

³² Филипп Эгалите, герцог Орлеанский (1747–1793) – был чрезвычайно распушенным и взбалмошным человеком, ставшим в оппозицию двору скорее из чувства противоречия, чем по убеждениям. Его ссора с двором, помощь нуждающимся в голод 1787–1788 гг. сделали его чрезвычайно популярным среди простого народа. В 1792 г. был избран в Конвент, где голосовал за смертную казнь короля. Измена Дюмуре, в которой был замешан его сын, будущий король Луи-Филипп, повлекла его арест. Он был предан суду и, несмотря на отсутствие улик, приговорен к смерти и казнен.

– И прекрасно сделали.

– Мы называли его Бурбоном Грязным³³.

– Он лыс, угреват, он цареубийца – фу! – И затем Лавьевилль прибавил: – Я был вместе с ним в Уэссане, на корабле «Святой Дух».

– Если бы он послушался сигнала, который давал ему адмирал д’Орвилль, держаться к ветру, то он помешал бы англичанам пройти. Да, правда ли, что он спрятался в трюме?

– Нет, этого, положим, не было, – ответил Лавьевилль, рассмеявшись, – но все равно это нужно утверждать.

– Да, для дураков, – промолвил Буабертло. – А этого Буленвилль, о котором вы упоминали, Вьевилль, я знавал лично. Вначале крестьяне были вооружены копьями; вот он и вздумал сделать из них копейщиков. Он хотел научить их действовать по всем правилам военной науки. Он вообразил, будто этих дикарей можно превратить в линейных солдат. Он уверял, что научит их строиться в каре. Он говорил с ними на старинном военном языке. Вдруг ему пришло в голову составить целый полк из браконьеров; и действительно, ему удалось сформировать правильные роты, командиры которых собирались каждый вечер в его ставке для того, чтобы получать пароль от сержанта, который передавал его на ухо ближайшему капралу, а тот, в свою очередь, передавал его на ухо своему соседу, и т. д. Он разжаловал одного офицера,

³³ Непереводимая игра слов. У Гюго сказано: «Bourbon, le Bourbeux». (Примеч. пер.)

не снявшего головного убора в то время, когда ему говорили пароль. Можете вообразить себе, насколько все это при-
вилось. Этот болван не понимал, что мужиками нужно пред-
водительствовать по-мужицки, и что из человека, взятого от
сохи, нельзя за несколько дней сделать настоящего солдата.
Да, да, я знавал этого Буленвилье.

Они оба сделали еще несколько шагов, погруженные в
свои мысли; затем беседа возобновилась.

– Кстати, подтверждается ли, что Дампьер³⁴ убит?

– Да, капитан, при Кьеврене, пушечным ядром.

– Граф Дампьер, – вздохнул Буабертло, – еще один из на-
ших, перешедший в их ряды.

– Скатертью дорога! – проговорил Лавьевилль.

– А сестры короля? Что, они все еще в Триесте?

– Да, в Триесте, – ответил Лавьевилль и затем восклик-
нул: – Ох уж эта республика! Сколько бедствий из-за пустя-
ков! Как подумаешь, что вся эта революция началась из-за
дефицита в несколько миллионов!

– Из этого следует, что и ничтожные причины могут вести
к важным последствиям.

– А ведь дела идут плохо, – продолжал Лавьевилль.

– Да, Ларуари умер, дю Дрене – просто идиот. И что
за жалкие предводители все эти епископы, этот Кузи, епи-

³⁴ Дампьер Огюст Анри Мари Пико (1765–1793) – французский генерал, мар-
киз, отличился при Жемаппе. После измены Дюмуре получил под командова-
ние французскую армию. Погиб в сражении при Кьеврене.

скоп ларошельский, этот Бопуаль Сент-Олэр, епископ из Пуатье, этот Мерси, епископ люсонский, любовник госпожи де Эшассери!

– А ведь настоящее ее имя Серванто, вы это знаете, капитан; Эшассери, это – название поместья.

– Или этот мнимый епископ агрский, который, собственно, простой кюре.

– Да, кюре из Доля; его фамилия – Гийо де Фольвилль. Он, впрочем, весьма храбр в бою.

– Но зачем им попы, когда им нужны солдаты? Что это за мнимые епископы и мнимые генералы!

– Капитан, – перебил Лавьевилль графа Буабертло, – я, кажется, видел у вас в каюте последний «Монитор». Мне бы хотелось знать, что теперь играют в Париже.

– «Адель и Павлина» и «Пещеру».

– Интересно было бы посмотреть эти пьесы!

– Вы их увидите. Через месяц мы будем в Париже. Да, самое большое через месяц, – прибавил Буабертло, подумав с минуту. – Мистер Виндгэм³⁵ сказал это лорду Гуду³⁶.

– Но в таком случае, капитан, дела обстоят еще не так плохо.

³⁵ Виндгэм Вильям (1750–1810) – английский политический деятель, активный участник борьбы с революционной Францией. В 1794 г. военный министр, в 1799 г. организовывал восстание в Вандее.

³⁶ Гуд (Худ) Самуэль (1724–1816) – знаменитый английский адмирал. Неоднократно одерживал победы над французским флотом. В 1786 г. назначен лордом адмиралтейства. В 1793 г. захватил Тулон, в 1794 г. завоевал Корсику.

– Все было бы хорошо, черт побери, только бы в Вандее дела пошли на лад.

– А что, капитан, – спросил Лавьевилль, пожимая плечами, – мы высадим морскую пехоту?

– Да, если приморское население выскажется за нас, и нет, если оно окажется нам враждебным. Иногда на войне нужно идти напролом, иногда – крадучись. Тот, кто ведет гражданскую войну, должен всегда иметь в кармане подобранный ключ. Нужно стараться делать все, что только возможно. Главное – необходим хороший предводитель. – И, подумав немного, Буабертло прибавил: – Лавьевилль, какого вы мнения о молодом шевалье де Дъези?

– Как о начальнике? Да опять-таки я скажу, что он пригоден только для правильной войны, в открытом поле, а не для партизанской войны против этого мужичья.

– В таком случае нам приходится довольствоваться генералом Стоффле и генералом Катлино.

– Тут нужен бы принц, – сказал Лавьевилль после минутного молчания. – Настоящий французский принц, принц крови.

– Зачем же это? Не понимаю. Ведь настоящие принцы...

– Труссы. Я знаю это, капитан. Но это необходимо, чтобы пустить пыль в глаза нашему мужичью.

– Любезный мой кавалер, да что же нам делать, если настоящие принцы прячутся!

– Ну, в таком случае обойдемся и без них.

Буабертло стал машинально тереть лоб рукой, как бы желая выдавить из него мысль, и, наконец, произнес:

– Что ж, сделаем опыт с этим генералом.

– Это, во всяком случае, чистокровный дворянин.

– А вы думаете, что он окажется на высоте своего положения?

– Не знаю. Главное то, чтоб он как следует понял свою задачу, – ответил Вьевилль.

– То есть чтоб он был свиреп? – заметил Буабертло.

Граф и кавалер взглянули друг другу в глаза.

– Господин Буабертло, – проговорил Лавьевилль, – вы угадали мою мысль. Да, чтобы был свиреп – вот что нам нужно. Эта война не должна знать пощады. Теперь наступило время кровожадных людей. Цареубийцы отрубили голову Людовику Шестнадцатому, мы будем рубить ноги и руки цареубийцам. Да, теперь нужен только неумолимый полководец. В Анжу и верхнем Пуату вожди играют в великодушие, изображают из себя добряков, это никуда не годится; а между тем на побережье предводители свирепы – и дела идут сносно. Шаррет свиреп, и потому он удачно справляется с Парреном. Против гиены – гиена!

Буабертло не успел ответить Лавьевиллю: слова последнего были прерваны пронзительным криком, и в то же время раздался шум, отличный от всех других звуков, раздававшихся на море, среди ночной тишины. И крик этот и шум раздались с носа корабля.

Капитан и его помощник бросились на нижнюю палубу, но не смогли войти туда, так как им навстречу бежали по узкому трапу перепуганные артиллеристы корвета.

Случилась ужасная вещь.

IV. Орудие войны

Оказалось, что одно из орудий батареи, двадцатичетырех-фунтовая пушка, сорвалось с цепи. Это, быть может, одно из самых больших несчастий, какое только может произойти на военном судне, находящемся на полном ходу, в открытом море.

Пушка, сорвавшаяся при такой обстановке с цепи, сразу превращается в какое-то чудовище. Обыкновенная машина вдруг становится диким зверем. Эта грузная масса катится на своих колесах, отскакивает, как бильярдный шар, перекатывается при боковой качке, погружает нос судна в воду при килевой, носится туда и сюда, останавливается как бы для размышления, снова принимается катиться, переносится с одного конца судна на другой, вертится, ускользает, прячется, становится на дыбы, бьется обо все вокруг, все ломает, истребляет, убивает. Это таран, разбивающий корпус судна по своему капризу; ужаснее всего то, что корпус — деревянный, а таран — чугунный. Мертвая материя освободилась; раб сломал свои цепи и принялся мстить; давно сдерживаемая злоба, заключающаяся в этой твердой материи, вдруг

как бы прорывается наружу; она как бы потеряла терпение и торопится наверстать упущенное. Ничего не может быть ужаснее ярости неодушевленного предмета. Пришедший в исступление чурбан приобретает гибкость барса, тяжеловесность слона, ловкость мыши, настойчивость секиры, неожиданность шквала, быстроту молнии, мрак гробницы. Подобная машина имеет десять тысяч фунтов веса, а прыгает, как детский мяч. То она кружится, как волчок, то носится во все стороны. И что с ней поделаешь? Как с ней справиться? Буря, рано или поздно, все-таки прекратится, вихрь пронесется, ветер стихнет, сломанная мачта будет заменена новой, отверстие, в которое просачивается вода, будет законопачено, пожар – потушен; но как усмирить этого громадного чугунового или медного зверя? Как к нему подступиться? Вы можете прикрикнуть на пса, ошеломить быка, укротить взглядом змею, напугать тигра, разжалобить льва; но против этого чудовища – сорвавшейся с цепи пушки – вы бессильны. Убить ее вы не можете, – она предмет неодушевленный, но в то же время живет какой-то зловещей жизнью, веющей на нее из бесконечности. Пол под ней колеблется, качка судна двигает ее так же, как море двигает судно, а ветер – море. Пушка, в свою очередь, является игрушкой в руках стихии. Ее поведение зависит одновременно и от волн и от ветра, и от судна, – словом, существование ее самое ужасное. Как справиться с такою тяжестью? Как обуздать это ужасное орудие кораблекрушения? Каким образом остановить ее движения, ее скач-

ки, ее удары? Каждый из ее ударов может пробить борт судна. Как угадать ее ужасную хитрость? Тут имеешь дело с тяжестью, которая то останавливается, как бы размышляя, то внезапно изменяет направление. Как остановить то, от чего приходится бежать? Страшное орудие беснуется, летит вперед, отступает, бьет вправо, ударяет влево, проходит, бежит, нарушает всякие расчеты, ломает все, что ему попадает на пути, давит людей, точно мух. Весь ужас положения заключается в подвижности пола. Как удержать что-нибудь на постоянно изменяющей свое направление наклонной плоскости? В чреве корабля заключена молния, ищущая выхода; это нечто вроде не то грома, не то землетрясения.

В один миг весь экипаж судна был на ногах. Вина лежала на канонире, который забыл завинтить гайку цепи и плохо подложил колодки под колеса лафета, вследствие чего орудие стало ерзать взад и вперед, пока, наконец, не лопнул канат и орудие не перестало твердо держаться на лафете. В то время еще не был введен в употребление неподвижный брус, препятствующий откату орудия. Сильная волна ударила в борт, плохо прикрепленное орудие откатилось назад. Цепь лопнула, и тяжелое чудовище принялось кататься и прыгать по палубе, словно капля воды, стекающая по запотевшему стеклу.

В ту минуту, когда лопнула цепь, артиллеристы были на батарее. Одни сидели кучками, другие бродили поодиночке, занимаясь каждый своим делом, в ожидании возможной во

всякое время тревоги. Пушка, подброшенная килевой качкой, навалилась на одну кучку людей, сразу же задавив четырех из них, затем, подхваченная боковой качкой, перерезала пополам пятого несчастного канонира и, ударившись о левый борт судна, сдвинула с места другое орудие. Это-то и вызвало только что услышанный крик ужаса. Все бывшие на нижней палубе бросились к узкой лестнице, и батарея вмиг опустела.

Громадное орудие было предоставлено самому себе; оно стало само себе хозяином и хозяином всего судна; ему предоставлено было делать все, что ему заблагорассудится. Экипаж, эти люди, закаленные в бою, привыкшие смеяться во время сражения, теперь дрожали, доказывая тем, что есть нечто ужасное и для самых бесстрашных людей.

Капитан Буабертло и лейтенант Лавьевиль, оба известные своей храбростью, остановились на верху лестницы и глядели вниз, бледные, немые, не зная, что делать. Кто-то отстранил их локтем и спустился вниз.

То был их пассажир, одетый в крестьянское платье, тот человек, о котором они говорили за минуту перед тем.

Спустившись с лестницы, он стал смотреть.

V. Vis et vir³⁷

Пушка продолжала прыгать по палубе, являя собой как

³⁷ Сила и мужество (лат.).

бы живую колесницу апокалипсиса. Морской фонарь, мигая на форштевене, бросал на это прыгающее чудовище колеблющийся, мерцающий свет. Вследствие быстроты движений орудия нельзя было разглядеть его формы, и оно то казалось черным, попадая в сноп света, то отсвечивало металлическим блеском, попадая в темноту.

Пушка продолжала калечить судно. Она сбила уже четыре других орудия и пробила две трещины в борту, к счастью, выше ватерлинии, но сквозь которые вода все-таки могла бы проникнуть в судно, если бы налетел шквал. Она яростно билась о тамберсы; очень крепкие шканцы³⁸ еще держались, благодаря, главным образом, эластичности дерева; но слышно было, как они тресали под ударами этой громадины, успевавшей наносить удары, по какой-то неслыханной вездесущности, почти одновременно в разных местах. Дробинка, положенная в пустую бутылку, не могла бы подпрыгивать быстрее и неистовее. Четыре колеса тяжелого лафета то и дело перекатывались по телам убитых канониров, резали и рвали их на части и сделали из пяти трупов двадцать обрубков, катавшихся по батарее; мертвые головы разинули рты, как бы крича; струи крови переливались по полу в соответствии с колебаниями судна. Внутренняя обшивка корвета, поврежденная в нескольких местах, начала расползаться.

³⁸ Шканцы – на парусном корабле самый верхний помост или палуба в кормовой части корабля, где обычно находились вахтенные офицеры и устанавливался компас.

Весь корабль наполнился каким-то зловещим гулом.

К капитану быстро возвратилось его хладнокровие, и по его приказу стали кидать на нижнюю палубу все, что только в состоянии было мешать ужасным скачкам карронады и ослаблять удары – матрацы, койки, запасные паруса, бухты канатов, мешки с матросским скарбом и, наконец, тюки фальшивых ассигнаций, которых на корвете был целый груз, так как англичане того времени считали подобную подлость вполне уместной на войне. Но какую пользу могло принести все это тряпье, если никто не решался спуститься вниз, чтобы закрепить ее как следует? К несчастью, – в данном случае именно к несчастью, – море было в это время довольно спокойно. Буря была бы предпочтительнее, так как она, быть может, перевернула бы пушку вверх колесами и тогда можно было бы с ней справиться.

Тем временем кораблю наносились все новые и новые повреждения. От яростных ударов орудия основания мачт уже дали трещины. Под судорожными ударами пушки фок-мачта³⁹ расщепилась, да и сама грот⁴⁰-мачта была повреждена. Вся батарея приходила в полное расстройство. Десять орудий из тридцати были сбиты; число бортовых пробоин увеличивалось, и корвет начинал давать течь.

Старик пассажир, спустившийся вниз, был похож на каменную статую, поставленную на нижнюю ступеньку. Он

³⁹ Фок-мачта – первая мачта судна, считая от носа к корме.

⁴⁰ Грот-мачта – вторая мачта, считая с носа.

пристально смотрел на это разрушение, но не двигался; да и, действительно, казалось невозможным сделать хоть один шаг в помещении батареи. Каждое движение сорвавшегося с цепи орудия, казалось, приближало судно на один шаг к гибели. Еще несколько мгновений – и гибель судна станет неизбежной. Приходилось или погибать или принять какое-нибудь решение для предотвращения гибели. Но какое? Ведь с этим неодушевленным врагом не так-то легко было справиться. Как обуздать эту обезумевшую махину? Как пригвоздить молнию? Как остановить этот гром?

– Верите ли вы в Бога, шевалье? – обратился, наконец, Буабертло к Лавьевиллю.

– Смотря как... Иногда – да, иногда – нет, – ответил тот.

– Ну, а во время бури?

– Во время бури – да, а также и в такие минуты, как настоящая.

– Да, один только Бог может спасти нас от этой опасности, – проговорил Буабертло.

И они замолчали, предоставляя орудию производить свое страшное опустошение. А снаружи морские валы, ударяясь о борта корабля, как бы вторили ударам, наносимым пушкой внутри. Точно перемежающиеся удары двух ужасных молотов!

Вдруг в этой недоступной арене, на которой яростно прыгало сорвавшееся орудие, появился человек с железной полосой в руке. То был виновник несчастья, нерадивый кано-

нир, забывший прикрепить свою пушку. Будучи причиной катастрофы, он желал теперь исправить ее. Он схватил в одну руку гандшпуг⁴¹, в другую – бейфут⁴² с глухой петлей и соскочил через перила на нижнюю палубу.

Тут началось нечто ужасное: какая-то борьба титанов, борьба пушки с канониром, грубой материи с разумом, поединок между вещью и человеком.

Человек встал в угол, держа в руках гандшпуг и бейфут, прислонившись спиной к двери, расставив ноги, мускулы которых напряглись, точно они были из стали, как бы пригвожденный к полу, бледный, но спокойный и с выражением решимости на лице. Он ждал – ждал момента, когда пушка понесется мимо него. Канонир этот знал свое оружие, и ему казалось, что и оно должно было знать его: ведь они уже столько времени жили вместе. Сколько раз он запускал свою руку в его пасть! Это было для него прирученное чудовище. Он стал говорить с ним как с собакой: «Сюда, сюда», – повторял он. Быть может, он любил его; во всяком случае он, очевидно, желал, чтобы оно к нему приблизилось.

Но подойти к нему в данном случае – значило навалиться на него, а это последнее было равносильно гибели. Как устроить, чтобы пушка его не раздавила? – вот в чем заключался весь вопрос. Все глядели в ужасе; у всех в груди спер-

⁴¹ Гандшпуг – рычаг, служащий для поворачивания тяжестей.

⁴² Бейфут – кусок троса, с помощью которого рей или гафель удерживается в обхват у мачты или стены.

ло дыхание, за исключением, быть может, старика, который один, вместе с отважным канониром, решился спуститься на батарею, один являлся как бы секундантом при этой ужасной дуэли. Он сам мог быть раздавлен орудием, но между тем он не шевелился. Над их головами управляла поединком слепая волна.

В ту минуту, когда канонир решился вступить с пушкой в это ужасное единоборство и вызывал орудие на бой, последнее, вследствие одного из капризов колебания моря, осталось на мгновение неподвижным, как бы изумленным. «Ну, иди же!» – повторил канонир. Оно как бы прислушивалось.

Вдруг пушка кинулась на него, но канонир успел увернуться от удара. Началась борьба, – борьба неслыханная. Такое хрупкое создание, как человек, сцепилось с неуязвимым предметом, плоть вступила в бой с металлом. С одной стороны – был силой материал, с другой – душа.

Все это происходило в полутьме, точно неясное видение какого-то чуда. Странное дело: казалось, будто и пушка имеет душу, но душу, преисполненную ненависти и ярости; казалось, будто и у этого слепого предмета были глаза; наконец казалось, будто чудовище подстерегает человека. В этой грузной массе, казалось, заключалось немало хитрости. И она как будто умела выбирать удобный момент, словно какое-нибудь гигантское чугунное насекомое, имеющее или как будто имеющее демоническую волю. Иногда эта колоссальная саранча ударялась о низкий потолок батареи, затем

снова падала на свои четыре колеса, словно тигр на свои четыре лапы, и снова бежала к человеку. Но он, ловкий и подвижный, извивался как ящерица, увертываясь от этих яростных нападений. Это ему пока удавалось, но удары, которых он избегал, обрушивались на судно и продолжали его разрушать.

Обрывок порванной цепи остался прикрепленным к орудию. Эта цепь каким-то образом замоталась вокруг винта мушки на казенной части. Один ее конец остался прикрепленным к лафету, а другой, свободный, болтался вокруг пушки, придавая еще больше силы ее скачкам. Винт крепко удерживал ее, и эта цепь, присоединяя к ударам тараном удары ремнем, летала вокруг пушки, напоминая железный бич в медном кулаке. Словом, эта цепь еще более усложняла борьбу.

Однако человек продолжал бороться; иногда он даже переходил в наступление; он пробирался вдоль борта, держа в руке свою веревку и свою железную полосу; пушка как будто понимала его и убегала, как бы опасаясь западни, а неустрашимый канонир ее преследовал.

Подобная схватка не может долго продолжаться. Пушка вдруг как бы сказала сама себе: «Однако с этим пора покончить», и остановилась. Чувствовалось приближение развязки. Пушка, как бы колеблясь, казалось, принимала, или действительно принимала, — ибо в эту минуту она для всех была существом одушевленным, — какое-то окончательное реше-

ние. Вдруг она ринулась на канонира. Тот отскочил в сторону, пропустил ее мимо себя и закричал смеясь: «Сначала!» Орудие, словно разъярившись, сбило еще одно на левом борту; затем, как бы пущенное невидимой пращей, кинулось на правый борт, но канонир снова отскочил. Три орудия сдвинулись с места под толчками сорвавшейся пушки; затем, как бы ослепленная гневом и сама не зная, что она делает, последняя повернулась к канониру задом, покатила к носовой части, разбила форштевень⁴³ и едва не пробила нос судна. Канонир перебежал к лестнице и остановился в нескольких шагах от старика секунданта. Он держал свой гандшпуг наготове. Пушка как будто заметила это и, не давая себе труда обернуться, стала надвигаться на канонира с быстротою опускаемого топора. Канонир, прижатый к борту, казалось, погиб. Весь экипаж испустил крик ужаса.

Но старый пассажир, стоявший до сих пор неподвижно, бросился вперед с несвойственной его возрасту быстротой. Он схватил тюк фальшивых ассигнаций и успел, рискуя сам быть раздавленным, бросить его под колеса лафета. Прodelал он этот опасный и смелый прием с ловкостью и точностью человека, хорошо освоившегося с правилами, описанными в сочинении Дюрозеля: «О морской артиллерии».

Тюк с ассигнациями послужил буфером. Часто камешек задерживает обломок скалы, ветка дерева дает иное направ-

⁴³ Форштевень – поковка или отливка по форме носа корабля, являющаяся продолжением кия.

ление снежной лавине. Пушка как бы споткнулась. Канонир, в свою очередь, воспользовавшись этим благоприятным моментом, продел свою железную полосу между спиц задних колес лафета: пушка остановилась и наклонилась. Канонир пустил в ход свою полосу в виде рычага и опрокинул лафет с орудием; тот с страшным грохотом упал вверх колесами. Канонир кинулся к пушке, весь обливаясь потом, и охватил петлей бейфута медную шею поверженного на землю чудовища.

Все было кончено. Человек вышел из борьбы победителем; муравей совладал с мастодонтом; пигмей взял в плен небесный гром.

Матросы и солдаты принялись аплодировать. Затем весь экипаж бросился к пушке с канатами и цепями, и через минуту она была прикреплена к месту.

– Милостивый государь, – сказал канонир, кланяясь старому пассажиру, – вы спасли мне жизнь.

Старик ничего не ответил и снова принял свой прежний равнодушный вид.

VI. Две чаши весов

Человек победил, но и пушка тоже сделала свое дело. Немедленного крушения избежали, но корвет не был спасен: судно получило такие повреждения, что вряд ли смогло бы долго удержаться на воде. В бортах было пять пробоин, в том

числе одна очень большая в носовой части; двадцать орудий из тридцати были сорваны со своих лафетов. Схваченное после стольких усилий и опять посаженное на цепь, орудие было негодно к употреблению: подъемный винт был сломан и, таким образом, наводка орудия стала невозможной. На все судно оставалось только девять орудий, годных для дела. В трюм просачивалась вода; пришлось немедленно пустить в дело все насосы, чтобы избежать затопления. Междупалубное пространство теперь, когда можно было заглянуть в него, представляло собою ужасный вид; вряд ли большую картину разрушения могла бы представлять собою внутренность клетки взбесившегося слона.

Как ни важно было для корвета пройти вдоль берега незамеченным, но в данную минуту перед ним стояла еще более настоятельная задача – позаботиться о своем спасении. Пришлось осветить палубу несколькими фонарями.

Все время, пока продолжалась эта ужасная борьба экипажа с пушкой, первый, для которого вопрос шел о жизни и смерти, совсем не интересовался тем, что происходило вокруг, на море. Между тем туман сгустился, погода изменилась к худшему, ветер свободно играл кораблем. Оказалось, что корвет сбился с курса и очутился гораздо ближе к Джерсею и Гернсею, и гораздо южнее, чем следовало; судно очутилось в незнакомом фарватере. Громадные волны хлестали в раскрытые раны корвета, – опасные лобзания. На море началась мертвая зыбь, ветер крепчал, можно было ожидать

шквала или даже бури. Ничего не было видно в десяти шагах.

Между тем как матросы старались исправить на скорую руку опустошения, произведенные на нижней палубе, затыкали пробоины и устанавливали на места орудия, не поврежденные во время предшествовавшей сцены, старый пассажир снова поднялся на верхнюю палубу и прислонился к мачте.

Во время предыдущей суматохи он не обратил внимания на маневр, произведенный тем временем на корабле: шевалье Лавьевилль приказал выстроить по обеим сторонам грот-мачты солдат морской пехоты, и по свистку боцмана дежурные матросы рассыпались по реям.

Граф Буабертло направился к пассажиру. Позади него шел человек с растерянным видом, весь запыхавшийся, в разорванной одежде. То был канонир, только что выказавший столько мужества и самоотверженности при обуздании чугунного чудовища и добившийся под конец успеха в своем рискованном предприятии.

Граф отдал старику честь по-военному и сказал: «Господин генерал, вот этот человек». Канонир стоял, вытянувшись в струнку и опустив глаза в землю.

— Господин генерал, — продолжал граф Буабертло, — не полагаете ли вы, что в виду того, что сделал этот человек, его начальству тоже следовало бы что-нибудь сделать для него?

— Да, я это полагаю, — ответил старик.

– Так не угодно ли вам будет распорядиться? – продолжал Буабертло.

– Не мне распоряжаться, а вам: ведь вы здесь капитан.

– Да, но вы – наш генерал, – ответил Буабертло.

– Подойди ближе, – произнес старик, взглянув на канонира. Тот сделал шаг вперед.

Старик повернулся к графу Буабертло, снял у него с мундира орден Святого Людовика и прицепил его к куртке канонира. «Ура» раздалось в рядах матросов; а солдаты морской пехоты отсалютовали ружьями.

– А теперь расстрелять этого человека! – проговорил старик пассажир, указывая пальцем на канонира.

Крики восторга мгновенно замерли и сменились гробовым молчанием. Среди этой тишины раздался спокойный, размеренный голос старика:

– Небрежность этого матроса подвергла опасности все судно; да и теперь еще опасность не миновала, и корабль, быть может, ждет гибель. Быть в открытом море, это то же, что стоять лицом к лицу с врагом; военный корабль во время плавания, это то же, что армия во время сражения. Буря может на время спрятаться, но все же она постоянно подкарауливает корабль. Море – не что иное, как засада. За всякую ошибку в виду неприятеля полагается смертная казнь. Поправимых ошибок не бывает. Мужество требует награды, а упущение – наказания.

Старик ронял эти слова, одно за другим, медленным, се-

рьезным тоном, в котором звучала неумолимость; они производили впечатление размеренных ударов секиры по стволу дуба.

Наконец старик, взглянув на солдат, проговорил: «Исполнить мое приказание!»

Осужденный, на куртке которого светло блестел крест Святого Людовика, поник головой.

По знаку графа Буабертло, два матроса спустились вниз и возвратились через минуту, неся койку-саван. За матросами шел священник корвета, с самого отплытия судна не перестававший молиться в офицерской каюте. Сержант отсчитал из ряда построенных солдат двенадцать человек, которых он выстроил в два ряда, по шесть в каждом. Канонир, не произнеся ни слова, стал между двумя шеренгами. Священник, со Святым распятием в руках, вышел вперед и встал возле него. «Марш!» – скомандовал сержант. Взвод тихим шагом направился к носу судна; оба матроса, неся саван, следовали за ним.

На корвете водворилось мертвое молчание. Вдали гудел ураган. Прошло несколько секунд. В ночной темноте раздался залп, блеснула молния, затем все смолкло, и только слышался всплеск трупa, сброшенного в море.

Старик пассажир стоял, прислонившись к грот-мачте. Он скрестил руки на груди и о чем-то думал, а Буабертло, показывая на него указательным пальцем правой руки, говорил вполголоса Лавьевиллю:

– Теперь у Вандеи есть голова.

VII. Плавание по морю – та же лотерея

Но что будет с корветом?

Тучи, которые уже в течение всей ночи сливались с волнами, в конце концов, опустились так низко, что горизонт пропал, и все безбрежное море как бы покрылось саваном. Куда ни взглянешь – везде один туман! Положение во всяком случае опасное, даже для неповрежденного судна!

А тут и темнота и буря! Экипаж корвета сделал все, что было в его силах. Он облегчил корвет, сбросив в море все, что можно было выбросить после опустошения, произведенного сорвавшейся с цепи пушкой, – сорванные пушки, сложенные лафеты, погнутые или развинченные тамберсы, сложенные куски железа или дерева; открыты были борта и спущены были в море на досках трупы и останки человеческих тел, обернутые в брезент.

В море с каждой минутой становилось все труднее держаться. Не то, чтобы разразилась буря; напротив, ураган как будто начинал стихать и вихрь унесся на север; но валы не уменьшались, а корвет, с полученными им повреждениями, не в состоянии был перенести сильную качку, и каждый новый вал мог стать для него последним.

Лоцман Гакуаль задумчиво стоял у руля. Но привычные к морю люди не так-то легко теряют бодрость духа. Лавье-

вилль принадлежал к числу тех людей, которые сохраняют чувство юмора даже в несчастьи. Он обратился к Гакуалью.

– Ну что, лоцман, – проговорил он, – ураган, кажется, устал. Он собирался чихнуть, да ничего не вышло. Мы как-нибудь вывернемся из беды. Будет только свежий ветер – вот и все.

– А свежий ветер вызовет волнение, – серьезно ответил Гакуаль.

Истинный моряк никогда не бывает ни весел ни печален. Но в этом ответе Гакуалья опытное ухо различило бы нотку беспокойства. Для судна, давшего течь, беспокойное море предвещает почти верную гибель. Гакуаль подчеркнул свое предсказание, сморщив брови. Быть может, он находил веселый и легкомысленный тон Лавьевилля несколько неуместным в виду недавней катастрофы с пушкой и с канониром. В открытом море некоторые события приносят несчастье; морская пучина полна тайн, и никогда заранее не знаешь, что она замышляет. Ее необходимо остерегаться.

– Где мы, лоцман? – спросил Лавьевилль, снова становясь серьезным.

– Мы в руках Божьих, – ответил лоцман.

Лоцман – настоящий хозяин судна; не нужно никогда мешать ему делать свое дело, а иногда ему нужно и дать высказаться. Впрочем, люди этого сорта обычно не разговорчивы. Лавьевилль отошел от него.

На предложенный им лоцману вопрос взялся ответить

небосклон. Туман, носившийся над волнами, вдруг рассеялся, и всюду, куда только доставал глаз, видны были в полумраке высоко вздымавшиеся волны. Небо представляло собой какую-то крышку из облаков, но облака эти уже не сползали на море. На востоке показался белесоватый свет – предвестник наступающего дня, на западе виден был бледный свет заходящей луны. Оба этих света на противоположных концах небосклона представлялись в виде узких светлых лент, отделявших черное небо от не менее черного моря.

На обеих этих полосах вырисовывались прямые, неподвижные, темные силуэты. На западе, на светлой полосе, образуемой луной, виднелись три высоких утеса, похожие на кельтские дольмены⁴⁴. На востоке, на бледном утреннем горизонте, можно было различить выстроенные в ряд паруса. Утесы были – рифом, восемь парусов – французской эскадрой.

Позади судна находился пользовавшийся среди моряков очень дурной репутацией утес Ле-Менкье, впереди его французский флот. На западе – крушение, на востоке – значительно превосходящий силами неприятель; и там и здесь – гибель. Для борьбы с рифом у корвета был пробитый корпус,

⁴⁴ Дольмены – один из видов мегалитических памятников, погребальные сооружения эпохи бронзы и раннего железного века в виде огромного размера каменных глыб и плит, поставленных вертикально (или положенных друг на друга) и покрытых сверху массивной плитой. Встречаются в приморских областях Европы, Северной Африки и Азии.

поврежденный такелаж⁴⁵, расшатавшиеся мачты; для борьбы с неприятельскими судами у него было только девять орудий из тридцати, к тому же лучшие его канониры погибли.

Утро только что начинало брезжить, и было еще довольно темно; можно было рассчитывать на то, что еще не скоро совсем рассветет, благодаря тяжелым тучам, покрывавшим небосклон и нависшим над морем, точно свод. Но ветер, рассеивая низкие тучи, в то же время относил корвет к утесу. Судно, полуразбитое и сильно поврежденное, почти уже не слушалось руля, оно скорее катилось на волнах, чем само шло, беспомощно отдаваясь на произвол волн.

Опасный утес Ле-Менкье был в те времена еще страшнее, чем теперь, когда часть его снесена непрерывной могучей работой волн. Известно, что и утесы могут менять свою форму; каждый прилив, это – тот же надрез, проводимый вечной пилой. В те времена приблизиться к Ле-Менкье – значило погибнуть.

Что касается французских кораблей, то это была та самая канкальская эскадра, которая впоследствии приобрела громкую известность под начальством капитана Дюшена, которого Леквинию⁴⁶ назвал «Отец Дюшен».

⁴⁵ Такелаж – все снасти на судне, служащие для укрепления рангоута и для управления им и парусами.

⁴⁶ Леквинию Жозеф Мари (1740–1813) – французский политический деятель, член Законодательного собрания и Конвента. В качестве комиссара Конвента проявил чрезвычайную жестокость в Вандее. Арестован после 9 термидора, но освобожден по амнистии. Впоследствии занимал скромную дипломатическую

Положение было в высшей степени критическое. Во время борьбы с сорвавшейся пушкой корвет, незаметно для себя самого, сбился с курса и шел теперь скорее по направлению к Гренвиллю, чем к Сен-Мало. Если бы даже причиненные ему повреждения не препятствовали ему свободно маневрировать и действовать парусами, то все равно утес Ле-Менкье помешал бы ему вернуться в Джерсей, между тем как эскадра мешала ему пристать к французскому берегу.

Однако буря утихла, но, как верно предсказал лоцман, установилась мертвая зыбь; взбудораженные волны не могли так быстро успокоиться. Море никогда не говорит сразу, чего оно желает. Морская пучина имеет свойство дразнить. Можно бы даже сказать, что море действует с известным расчетом; оно наступает и отодвигается; оно предлагает и снова отказывается; оно готовит шквал и затем точно раздумывает; оно грозит бездной, но не бросает в нее; оно обставляет судно опасностями и с севера и с юга. В течение всей ночи корвету «Клэймор» приходилось бороться с туманом и страшиться шквала; море обмануло его ожидания, но самым ехидным образом: оно пугало бурей, но привело судно к рифу. Все же – впереди неизбежное кораблекрушение, хотя и в иной форме. А тут еще к гибели на бурунах присоединялась гибель в бою. Один враг как бы дополнял другого.

– Здесь – крушение, там – сражение! – воскликнул Лавьевилль, смеясь. – Нечего сказать, нам везет!

VIII. 9 = 380

Итак, корвет был наполовину разбит. В белесоватом свете зарождающегося дня, в сердитом плеске волн, во мраке туч, в неопределенных очертаниях горизонта было что-то зловеще-торжественное. Все кругом молчало и только ветер неистово завывал. Катастрофа торжественно поднималась из морской пучины; она была похожа, скорее, на призрак, чем на действительное нападение. Все было неподвижно среди скал, никто не шевелился на судах эскадры. Стояло какое-то колоссальное безмолвие. Да полно, было ли все это действительностью? Точно какое-то сновидение пронеслось над морем. В легендах встречаются такие видения. Корвет находился как бы посредине между демоном-рифом и флотом-привидением.

Граф Буабертло отдал вполголоса какое-то приказание Лавьевиллю, который выслушал и спустился в батарею. Потом граф взял свою подзорную трубу и встал на корму возле лоцмана. Все усилия Гакуалья были направлены к тому, чтобы держать судно против волн, потому что, если бы его подхватили сбоку волны и ветер, оно бы неминуемо опрокинулось.

- Где мы теперь находимся, лоцман? — спросил капитан.
- Возле Ле-Менкье.
- С хорошей стороны или с дурной?

– С дурной.

– А каково дно? Можно ли стать на шпринг⁴⁷?

– Дно скалистое. Словом, все шансы к тому, чтобы погибнуть, – ответил лоцман.

Капитан направил свою подзорную трубу на Ле-Менкье и стал рассматривать утес; затем он повернул ее на восток и начал считать паруса.

– Да, это Ле-Менкье, – продолжал лоцман, как бы говоря сам с собою. – На этом утесе любят отдыхать чайки, по пути из Голландии, а также морские орлы или рыболовы.

Капитан тем временем сосчитал паруса. Действительно, оказалось восемь правильно расставленных военных кораблей, силуэты которых вырисовывались в дали. Посредине можно было различить крупное трехпалубное судно.

– Знакомы ли вам эти паруса? – спросил капитан у лоцмана.

– Без сомнения, – ответил Гакуаль. – Это эскадра.

– Какая? Французская?

– Дьявольская.

Наступила пауза. Наконец капитан продолжал:

– И что же, по вашему мнению, тут вся эскадра?

– Нет, не вся.

Действительно, 2 апреля Валазе донес конвенту, что в Ла-Маншском канале крейсируют шесть линейных кораблей и десять фрегатов. Теперь капитан вспомнил об этом.

⁴⁷ Шпринг – постановка судна на кормовой и носовой якоря одновременно.

– Да, да, – сказал он, – эскадра состоит из шестнадцати судов, а тут их всего восемь.

– Остальные, – проговорил Гакуаль, – рассеялись вдоль всего берега и подстерегают.

Капитан, продолжая смотреть в подзорную трубу, бормотал сквозь зубы:

– Один трехпалубный корабль, два фрегата первого ранга, пять второго ранга.

– Но и я с своей стороны следил за ними, – продолжал Гакуаль.

– Славные корабли! – произнес капитан. – Мне случалось командовать такими.

– А я, – проговорил Гакуаль, – видел их вблизи. Все они ясно врезались мне в память, и я уж не перепутаю одно с другим.

– Лоцман, – сказал капитан, передавая Гакуалю свою подзорную трубу, – можете ли вы различить, что вот это за линейный корабль?

– Могу, господин капитан: это «Кот д'Ор».

– Ага, значит они его перекрестили. Прежде он назывался «Бургундские Штаты». Совсем новенькое судно. Сто двадцать восемь орудий.

Он вынул из кармана записную книжечку и карандаш и записал в книжечке цифру 128. Затем он продолжал:

– А это что за судно, первое слева от корабля?

– Это фрегат «Опытный».

– Фрегат первого ранга. Пятьдесят два орудия. Два месяца тому назад он стоял в Бресте.

Отметив в своей записной книжке цифру 52, капитан спросил:

– А второе судно слева от корабля, как его название?

– «Дриада».

– Тоже фрегат первого ранга. Сорок 18-фунтовых орудий. Он плавал в Индию. Имеет славное морское прошлое.

Записав под цифрой 52 цифру 40, он снова поднял голову и спросил:

– А справа от корабля?

– Господин капитан, это все фрегаты второго ранга. Их всего пять.

– Как называется первый от корабля?

– «Решительный».

– Тридцать два 18-фунтовых орудия. А второй?

– «Ришмон».

– Такое же вооружение. Дальше?

– «Безбожник»⁴⁸.

– Довольно странное название для судна. Дальше?

– Дальше – «Калипсо», «Хвататель».

– Итого пять фрегатов, вооруженных каждый 32 орудиями, – и капитан проставил под написанными ранее цифрами 160.

– Вы, однако, отлично узнаете их, лоцман, – проговорил

⁴⁸ См.: «Морской архив». Состояние флота на март 1793 г.

Буабертло.

– А вы, капитан, их отлично знаете, – ответил Гакуаль. – Узнавать недурно, но знать еще лучше.

Капитан, глядя в свою записную книжку, стал считать сквозь зубы:

– Сто двадцать восемь, пятьдесят два, сорок, сто шестьдесят...

В эту минуту Лавьевилль снова появился на палубе.

– Шевалье, – крикнул ему капитан, – знаете ли, что мы имеем перед собою триста восемьдесят орудий?

– И прекрасно, – ответил Лавьевилль.

– А вы только что были на батарее, Лавьевилль. Скажите, наконец, сколько у нас годных в дело орудий?

– Только девять.

– Так! – проговорил, в свою очередь, Буабертло. Он снова взял из рук лоцмана подозрную трубу и стал смотреть вдаль. Восемь видневшихся на горизонте судов стояли в полной тишине. Они казались неподвижными, но между тем с каждой минутой увеличивались. Корвет незаметно приближался к ним.

– Капитан, – сказал Лавьевилль, прикладывая руку к головному убору, – имею честь представить рапорт. Я всегда относился недоверчиво к этому «Клэймору». Нет ничего неприятнее, как быть неожиданно посаженным на судно, которое вас не знает или вас не любит. Английский корабль не может быть другом француза. Сорвавшаяся проклятая пуш-

ка доказала это как нельзя лучше. Я тщательно осмотрел все помещение. Якоря надежны; железо хорошее, без раковин, и к тому же кованое; кольца прочны; канаты превосходны, легко разматываются, достаточной длины, а именно в 120 сажен. Артиллерийских припасов достаточно. Шесть канониров убито. Сто семьдесят один выстрел на пушку.

– Разумеется, раз осталось только девять орудий, – проговорил вполголоса Буабертло и снова направил свою подзорную трубу на горизонт.

Эскадра продолжала медленно приближаться.

Морские орудия имеют то преимущество, что при них достаточно трех человек прислуги; но зато у них тот недостаток, что они стреляют не так далеко и не так метко, как полевые и крепостные пушки. Предстояло, следовательно, подойти к эскадре на довольно близкое расстояние.

Капитан стал вполголоса отдавать приказания. На корвете водворилось мертвое молчание. Не слышно было сигнала тревоги, но все сопряженные с ним маневры исполнялись в точности. Корвет так же мало был способен бороться с людьми, как и с морскими волнами. Однако экипаж старался извлечь все возможное из этих остатков военного судна. На шкафуте⁴⁹, возле бейфутов, навалили все, что было в за-

⁴⁹ Шкафут – на парусных судах широкие доски, лежащие по бортам корабля вровень с баком и квартердеком, соединявшие их и служившие для перехода с одного на другой.

пасе по части кабельтово⁵⁰ и перлиней⁵¹, с тем чтобы укрепить в случае необходимости мачты. перевязочный пункт был приведен в порядок. Согласно установившейся практике, по бортам развесили койки, что, конечно, могло служить некоторой защитой от пуль, но не против ядер. Принесли калибры для пуль, хотя и было уже несколько поздно проверять размеры последних; но дело в том, что никто не ожидал такой скорой встречи с неприятелем. Каждому матросу роздано было по лядунке, по паре пистолетов и по кинжалу. Койки были сложены, пушки наведены, ружья заряжены, топоры и дреки уложены по местам, крүйт-камера⁵² с порохом и зарядами открыта. Каждый встал на свое место по расписанию – и все это совершалось молча, словно в комнате умирающего. Все делалось быстро, но мрачно.

Потом корвет поставили на шпринг. Он имел шесть якорей, как у фрегата. Были спущены все шестеро: становой⁵³ с носа, верп⁵⁴ – с кормы, большой якорь – со стороны открытого моря, второй верп – со стороны бурунов, дагликс⁵⁵ – с левого борта, а запасной якорь – с правого. Девять уцелевших орудий были направлены все в одну сторону, дулами к

⁵⁰ Кабельтов – мера длины – 185,2 м (0,1 морской мили); толстый трос.

⁵¹ Перлинь – трос толщиной от 4 до 6 дюймов.

⁵² Крүйт-камера – помещение на корабле для хранения взрывчатых веществ.

⁵³ Становой якорь – якорь, на который судно обычно становится.

⁵⁴ Верп – судовой якорь меньшего веса, чем становой.

⁵⁵ Дагликс – левый становой якорь.

неприятельской эскадре.

Последняя, в точно таком же безмолвии, со своей стороны сделала все приготовления к бою. Все восемь ее судов образовали теперь дугу, хорду которой представлял собою риф Ле-Менкье. «Клэймор», очутившись в этом полукруге и удерживаемый к тому же якорями, так сказать, прислонился к рифу, то есть к своей гибели. Это относительное положение судов очень напоминало собой свору собак, окруживших кабана, не выпускающего ни звука и только скалящего зубы.

Обе стороны выжидали. Канониры «Клэймора» стояли возле своих орудий.

– А знаете ли, я бы предпочел сам открыть огонь, – сказал Буабертло Лавьевиллю.

– Отчего же и не позволить себе это маленькое кокетство? – ответил тот.

IX. Кого-то спасают

Старик пассажир тем временем, оставаясь на палубе, смотрел на все бесстрастным взором.

– Сударь, – сказал Буабертло, приближаясь к нему, – все приготовления окончены. Мы теперь крепко привязаны к нашей могиле. Мы не сдвинемся с места. Во всяком случае мы станем добычей или эскадры, или рифа. У нас нет иного выбора: или сдаться неприятелю, или погибнуть в бурунах.

Я полагаю, что нам следует умереть; лучше погибнуть в бою, чем от кораблекрушения. Я, по крайней мере, предпочитаю быть застреленным, чем утонуть; я предпочитаю огонь воде. Но умирать – это наша обязанность, а ни в каком случае не ваша. Вы – доверенное лицо принцев, на вас возложено важное поручение, вы должны руководить восстанием в Вандее. Если вас не станет – дело монархии, быть может, будет проиграно; вы не имеете права умирать. Наш долг предписывает нам оставаться здесь, ваш долг обязывает вас покинуть судно. Итак, генерал, не угодно ли вам тотчас же оставить корвет? Я сейчас предоставлю в ваше распоряжение лодку и гребца. Добраться до берега в легкой шлюпке мне представляется вполне возможным. Еще достаточно темно, волны высоки, на море туман, поэтому весьма вероятно, что вас не заметят. Бывают такие случаи, когда бегство равносильно победе.

Старик, сохраняя свой строгий вид, утвердительно кивнул головой.

– Солдаты и матросы! – крикнул затем граф Буабертло, возвысив голос.

Работа разом прекратилась, и со всех концов судна лица обернулись в сторону капитана.

– Вот этот человек, – продолжал Буабертло, указывая на старика, – является представителем короля. Он нам поручен, мы должны его непременно сберечь. Он необходим для трона Франции; за неимением принца, он – мы, по крайней ме-

ре, на то надеемся – станет вождем вандейцев. Это – великий полководец. Он должен был пристать к берегу Франции с нами, – он пристанет к нему без нас. Спасти голову – это значит спасти все!

– Верно! Верно! – в один голос закричал весь экипаж.

– И ему также, – продолжал капитан, – предстоят весьма серьезные опасности. Добраться до берега – дело нелегкое. Шлюпка должна быть достаточно велика, чтобы пуститься в открытое море, и настолько мала, чтобы ее не заметил враг. Необходимо добраться до какого-нибудь пункта на материке, чтобы там было достаточно безопасно, и притом скорее по направлению к Фужеру, чем к Кутансу. Тут требуется опытный матрос, хороший гребец и хороший пловец, и притом такой, который был бы знаком с местностью и знал бы как свои пять пальцев все извилины берега. Пока еще достаточно темно, так что лодка может отплыть от корвета, не будучи замеченной; а затем туман, опустившись, окончательно скроет ее из вида неприятеля. Благодаря своему незначительному размеру она легко проплывет и по мелководью: там, где не пройдет барс, проскользнет ласточка. Для нас нет выхода, для шлюпки выход найдется. Лодка может ускользнуть, не будучи замечена неприятельскими кораблями; да к тому же и мы здесь тем временем постараемся отвлечь их внимание. Не так ли?

– Верно! Верно! – снова подхватил экипаж.

– Но нам нельзя терять ни единой минуты, – продолжал

капитан. — Кто охотник?

— Я, — раздался голос из рядов выстроенной команды, и один из матросов сделал шаг вперед.

Х. Удастся ли ему спастись?

Несколько минут спустя от корвета отчалила небольшая лодка, называемая гичкой⁵⁶ и служащая исключительно для разъездов командиров судов. В лодке сидело два человека: на корме — старик пассажир, доброволец-матрос — на веслах. Было еще очень темно. Матрос, согласно приказу капитана, усердно греб по направлению к Ле-Менкье. Да впрочем, никакое иное направление и не было возможно.

На дно лодки успели бросить немного припасов, — мешок сухарей, копченый язык и бочонок воды.

В ту минуту, когда гичка отчаливала от корвета, Лавьевилль, обладавший способностью шутить даже на краю бездны, перегнулся через ахтерштевень⁵⁷ и крикнул вслед отплывавшей лодке:

— Недурно для бегства, но еще лучше для потопления!

— Господин лейтенант, — строго заметил лоцман, — теперь не время шутить.

Гичка быстро удалялась, и уже вскоре между ней и корве-

⁵⁶ Гичка — легкая быстроходная шлюпка.

⁵⁷ Ахтерштевень — конструктивное оформление кормовой оконечности судна в виде продолжения киля.

том было довольно значительное пространство. Ветер и направление волн благоприятствовали гребцу, и скорлупка подвигалась быстро вперед, качаясь на волнах и скрываясь в их складках. Над морем словно нависло какое-то мрачное ожидание.

Вдруг, среди плещущего безмолвия безбрежного океана, раздался голос, который, будучи усилен рупором – этой новейшей медной маской античной трагедии – звучал чем-то сверхъестественным. То говорил капитан Буабертло.

– Матросы его величества короля! – кричал он. – Поднимите на грот-мачте белое знамя. Мы сейчас встретим нашу последнюю зарю.

– Да здравствует король! – раздалось из рядов экипажа, и с корвета раздался пушечный выстрел.

Но почти в то же мгновение на дальнем горизонте раздался другой возглас, громкий и явственный, несмотря на расстояние: «Да здравствует республика!»

И над океаном пронесся гул залпа из трехсот орудий.

Борьба началась. Море заволокло дымом, пронизываемым молниями выстрелов. Сердитые волны океана стали покрываться брызгами от падающих снарядов.

«Клэймор» отважно открыл огонь по восьми большим кораблям. В то же самое время вся эскадра, выстроившись полукругом вокруг корвета, палила из всех своих орудий. На горизонте образовалось зарево: точно огнедышащий вулкан поднялся из морской пучины. Ветер разносил пушечный

дым, повинуюсь своим капризам, и суда то появлялись, то исчезали, словно привидения. На первом плане ясно обрисовывался на красном фоне черный остов корвета, а на вершукке его грот-мачты развевался белый флаг с золотыми лилиями.

Оба пливших в лодке человека молчали. Треугольная мель Ле-Менкье, нечто вроде подводного конуса, обширнее всего острова Джерсея. Но вода покрывает почти весь конус, и только верхушка его высится над водой даже во время самого сильного прилива. От этого конуса идут к северо-востоку шесть больших утесов, выстроившихся в прямую линию, напоминая собой остатки местами обвалившейся большой стены. Проход между вершиной конуса и этими шестью утесами доступен только для самых мелкосидящих судов. Он ведет прямо в открытое море.

Матрос, вызвавшийся провести лодку, смело направил ее в этот проход; таким образом он ставил шлюпку, так сказать, под прикрытие утеса Ле-Менкье, который его защищал от выстрелов с неприятельской эскадры. Он ловко пробрался по узкому проливу, искусно избегнув справа и слева подводных камней. Вскоре между ними и эскадрой очутилась целая линия утесов. Зарево на горизонте и грохот канонады стали уменьшаться благодаря увеличивающемуся расстоянию; но из доносившихся, хотя и издали, пушечных выстрелов можно было заключить, что корвет продолжал еще держаться и что он желал выпустить все свои заряды, числом сто девяно-

сто один, до последнего.

Вскоре челн очутился в открытом море, на достаточном расстоянии от рифа, вдали от сражения, вне выстрелов. Мало-помалу цвет моря становился менее темным, просветы на небе расширялись, брызги морской пены стали белеть, на гребнях волн показались белые барашки. Наконец совсем рассвело.

Шлюпка ушла от неприятеля; но ей еще оставалось совершить самую трудную часть своей задачи. Она спаслась от картечи, но не от стихии. Эта небольшая скорлупка очутилась в открытом море, без паруса, без мачты, без палубы, без компаса, с одной только парой весел, лицом к лицу с океаном и с ураганом. Атом, отданный на произвол гигантов.

И вдруг, среди этого безбрежного и пустынного простора, матрос, сидевший на веслах, поднял свое озаренное белесоватым утренним светом лицо, пристально взглянул в глаза старику и произнес:

– Я – брат того артиллериста, которого вы приказали расстрелять.

Книга третья. Гальмало

І. Слово – это глагол

Старик медленно поднял голову.

Человеку, обратившемуся к нему с этими словами, было под тридцать лет. Лицо его загорело и обветрилось; глаза имели довольно странное выражение: в них замечался одновременно и смысленный взгляд матроса и наивный взгляд крестьянина. Он крепко сжимал в своих кулаках весла. Вид его был, в общем, кроткий и смирный. За поясом у него были заткнуты кинжал, два пистолета и четки.

– Кто вы такой? – переспросил старик.

– Я только что объявил это вам, – ответил матрос.

– Ну, так чего же вам от меня нужно?

Матрос положил весла, скрестил руки и ответил:

– Мне нужно вас убить.

– Как вам будет угодно, – спокойно ответил старик.

– Так приготовьтесь умереть! – проговорил матрос, повышая голос.

– А почему, собственно, я должен умереть? – так же спокойно спросил пассажир.

Наступило молчание. Матроса, казалось, смутил вопрос старика. Наконец он сказал:

– Ведь я уже сказал вам, что желаю вас убить.

– А я вас еще раз спрашиваю – за что? – проговорил старик.

– За то, что вы убили моего брата! – воскликнул матрос, сверкая глазами.

– Я начал с того, что спас ему жизнь, – спокойно заметил пассажир.

– Да, это верно. Сначала вы спасли ему жизнь, а потом убили его.

– Неправда, вовсе не я его убил, а его собственная вина.

Матрос в недоумении уставился на старика, но затем его брови снова насупились зловещим образом.

– Как вас зовут? – спросил старик.

– Зовут меня Гальмало; впрочем, вам совсем не обязательно знать, как меня зовут, я могу вас убить и без этого.

В это мгновение из-за туч показалось солнце. Один из лучей его упал прямо на лицо матроса и ярко осветил его мрачное лицо. Старик внимательно, не отрывая глаз, стал в него всматриваться.

Орудийная пальба все еще продолжалась, но как-то с перерывами, скачками, словно замирая. Густой дым застилал горизонт. Шлюпка, не управляемая гребцом, плыла по воле ветра и волн.

Матрос взял в правую руку один из пистолетов, бывших у него за поясом, а в другую – четки.

Старик поднялся в лодке и спросил:

– Ты веришь в Бога?

– Я верю в Отца нашего небесного, – ответил матрос и перекрестился.

– А есть ли у тебя мать?

– Есть, – ответил матрос и вторично перекрестился. Затем он промолвил: – Довольно! Я даю вам одну минуту, чтобы подготовиться к смерти, ваше сиятельство, – и он взвел курок.

– Почему ты называешь меня «ваше сиятельство»?

– Потому что вы знатный барин. Это видно.

– А у тебя есть свой барин?

– Как же, есть, да еще и знатный. Разве можно жить без барина?

– А где твой барин?

– Не знаю. Он эмигрировал. Его зовут маркиз Лантенак, виконт Фонтенэ, бретонский князь. Ему принадлежит поместье Сэ-Форэ. Я его, положим, никогда не видел, но все же он мой барин.

– А если бы ты его увидел, стал ли бы ты ему повиноваться?

– Еще бы! Ведь не нехристь же я какой-нибудь, чтобы не повиноваться ему. Нужно повиноваться Богу, потом королю – богу земному, а затем своему барину, который для нас тот же король. Но дело не в этом: вы убили моего брата, и теперь я должен вас убить.

– Во-первых, – возразил старик, – если я и убил твоего

брата, то я должен был это сделать.

– Этакий вздор! – мрачно проговорил матрос, сжимая в руке ручку пистолета.

– Пускай будет по-твоему, – спокойно возразил старик. – Ну, а где же священник?

– Священник? – переспросил матрос, глядя на него удивленными глазами.

– Да, священник. Ведь я же призвал к твоему брату священника. И ты должен доставить мне священника.

– Да где ж я его вам возьму, – спросил матрос. – Разве в открытом море найдешь священника?

Грохот орудий, доносившийся со все большего и большего расстояния, постепенно ослабевал.

– А у тех, кто там умирает, священник есть, – проговорил старик.

– Да, это правда, у них свой флотский священник, – согласился матрос.

– Ты желаешь погубить не только мое тело, но и душу, – продолжал старик, – а это нехорошо.

Матрос в задумчивости опустил голову.

– А губя мою душу, ты вместе с тем губишь и свою, – серьезно заметил пассажир. – Слушай, мне жаль тебя! Делай, как знаешь. Я только исполнил свой долг, когда сначала спас жизнь твоему брату, а потом отнял ее у него; я и теперь исполняю свой долг, стараясь спасти твою душу. Подумай! Это дело касается прежде всего тебя. Слышишь пушечные вы-

стрелы? Там люди погибают, страдают, там найдутся и мужья, которые больше не увидят своих жен, и отцы, которые больше не увидят своих детей, и братья, которые, подобно тебе, не увидят больше своих братьев. И кто в этом виноват? Твой брат. Ты ведь веришь в Бога, не так ли? Ну так знай, что Господь Бог скорбит в эту минуту. Он скорбит за Своего сына, христианнейшего короля Франции, такого же младенца, каким был и Иисус, и который теперь заключен в Тампльскую тюрьму; Он скорбит за оскорбляемую Церковь Свою в Бретани, Он скорбит за оскверненные и поруганные храмы Свои, за разорванные Евангелия, за умерщвленных служителей Своих. С какою целью мы приплыли сюда на этом погибающем судне? А для того, чтобы оказать содействие делу Божьему. Если бы твой брат был усердный слуга, если бы он добросовестно исполнял свой долг, пушку бы не сорвало, корвет не был бы разбит, он не сбился бы с пути, не натолкнулся бы на неприятельский флот, и мы бы в эту самую минуту высаживались на берег Франции целые и невредимые, бодрыми и мужественными воинами и моряками, с мечом в руке, с развевающимся над нашими головами белым знаменем, многочисленные, довольные, веселые, и мы бы помогли верным бретонским крестьянам спасти короля, и сослужить службу Богу. Вот для чего мы ехали сюда, вот что бы мы сделали, вот что я, один из всех уцелевший, намерен сделать. А ты желаешь помешать мне в этом. В этой борьбе нечестивцев против служителей Божиих, в этой борьбе цареубийц против

монарха, в этой борьбе сатаны против Бога ты становишься на сторону сатаны. Брат твой оказался невольным союзником дьявола, ты же будешь явным. Ты становишься на сторону царевубийц и против престола, на сторону нечестивцев и против Церкви. Ты отнимаешь у Бога последнее Его средство. Когда не станет меня, представителя короля, селения будут продолжать гореть, население – страдать, священники – проливать слезы, король – томиться в тюрьме, а Иисус Христос – скорбеть о правом деле. И кто будет виновником всего этого? Ты. Ну, что ж, делай свое богопротивное дело. Я, по правде сказать, ожидал от тебя совсем иного; но я ошибся. Действительно, я убил твоего брата. Он оказался мужественным – я его наградил; он оказался виновным – я его наказал; он не исполнил своего долга, но я свой исполнил, и я в случае необходимости опять повторяю все то, что сделал; и клянусь пресвятою Анною Орейской, смотрящей на нас с небес, я в подобном случае точно так же расстрелял бы своего сына, как расстрелял твоего брата. А теперь ты – господин своих действий; но я глубоко сожалею о тебе. Ты солгал своему капитану. Ты, христианин, нарушил свой обет; ты, бретонец, не сдержал своей клятвы; меня поручили твоей честности, и вместо нее я встречаю измену; ты желаешь превратить в холодный труп того, кому ты обещался спасти жизнь. Знаешь ли ты, кого ты здесь губишь? Себя самого. Ты отнимаешь мою жизнь у короля и отдаешь свою душу дьяволу. Ну, что ж, совершай свое преступление! Прекрасно! Ты добровольно

меняешь райское блаженство на адские мучения. Благодаря тебе дьявол победит, благодаря тебе церкви будут разрушены и нехристи будут продолжать лить из колоколов пушки; благодаря тебе людей будут убивать тем, что предназначено для спасения души. В эту самую минуту колокол, гудевший на твоих крестинах, быть может, убивает твою мать. Что ж, помогай дьяволу, не робей! Да, я осудил на смерть твоего брата, но знай, что я – орудие Бога. А ты берешься изменить волю Господню! Ты, пожалуй, вздумаешь осудить и молнию небесную. Несчастный, не тебе ее судить, а ей тебя! Подумай о том, что ты собираешься сделать. Знаешь ли ты, что на мне лежит благодать Господня, Божие посвящение? Не знаешь? Ну продолжай же, продолжай! Исполни то, что ты замыслил. Ты волен низвергнуть меня в ад и низвергнуться туда сам вместе со мной. Вечная погибель и моя и твоя в твоих руках; но отвечать пред Богом будешь ты. Мы с тобой стоим с глазу на глаз над бездной. Продолжай, заканчивай! Я стар, ты молод; я безоружен, ты вооружен. Ну, убивай же меня!

Пока старик, стоя в лодке, произносил эти слова голосом, заглушавшим шум моря, прорывавшиеся сквозь тучи лучи солнца на мгновения окружали его голову словно сиянием. Матрос страшно побледнел; пот крупными каплями выступал у него на лбу; он дрожал, как осиновый лист; время от времени он прикладывался губами к своим четкам. Когда старик замолчал, он бросил свой пистолет, упал на колени и воскликнул:

– Простите, сударь, простите меня! Устами вашими говорит Сам Господь Бог. Я неправ, да и брат мой был неправ. Я сделаю все, что только можно, чтобы загладить свое преступление. Располагайте мной! Приказывайте – я буду повиноваться!

– Я прощаю тебя, – проговорил старик.

II. Крестьянская память стоит искусства полководца

Съестные припасы, положенные в лодку, оказались весьма кстати. Оба беглеца пробыли целых 36 часов в море, прежде чем достигли берега. Они провели в море и всю следующую ночь; к счастью, погода оказалась хорошей, и только луна светила ярче, чем это было бы желательно для людей, уходивших от преследования. Им пришлось сначала удалиться от французского берега и выйти в открытое море, в сторону Джерсея. Они услышали последние залпы погибавшего корвета, раздававшиеся как предсмертное рычание льва, убиваемого охотниками. Затем над морской поверхностью водворилось мертвое молчание. Корвет «Клэймор» умер той же смертью, что и фрегат «Мститель», но той же славы не обрел. Героями не могут быть те, кто вступает в бой против своей родины.

Гальмало оказался искусным моряком. Он проявил чудеса ловкости и находчивости; это вынужденное плавание

между рифами, волнами и неприятельской эскадрой было поистине образцовым. Впрочем, ветер мало-помалу стих и море успокоилось. Гальмало проскользнул мимо утесов Менкье, обогнул Бычий Брод, выбрал место с тихим течением, чтобы несколько часов отдохнуть, и затем, спустившись к югу, ухитрился проплыть между Гранвилем и Шозейскими островами, не будучи замеченным ни с Шозейского ни с Гранвильского маяков. Он вошел затем в Сен-Мишельскую бухту, что было довольно смело ввиду соседства Канкаля – места стоянки французской эскадры.

К вечеру второго дня, приблизительно за час до солнечного захода, он, оставив позади себя гору Сен-Мишель, пристал к берегу в одном почти всегда пустынном месте; пустынно оно было потому, что было очень опасно: здесь нетрудно было завязнуть в песке. К счастью, в то время был прилив. Гальмало, разогнав шлюпку, причалил как можно ближе к берегу, ощупал песок, нашел его достаточно твердым, посадил на него лодку и выпрыгнул на берег. Старик вслед за ним вышел из лодки и стал смотреть на горизонт.

– Ваше сиятельство, – сказал Гальмало, – это – устье речки Куенон. Вон там, с правой стороны, Вовуар, а с левой – Гюин; а эта колокольня, что прямо перед нами, – Ардевон.

Старик нагнулся к лодке, вынул из нее сухарь, сунул его себе в карман и сказал Гальмало:

– Остальное возьми себе!

Гальмало положил в свою котомку остатки говядины и су-

харей и взвалил ее себе на плечи. Затем он спросил:

– Ваше сиятельство, как вы прикажете: идти впереди вас или за вами?

– Ни то ни другое, – ответил старик.

Гальмало взглянул на него с удивлением. Старик продолжал:

– Нам следует расстаться, Гальмало. Остаться вдвоем – ни к чему. Если не можешь возглавить хотя бы одну тысячу, то лучше всего быть одному.

Тут он вынул из кармана бант из зеленой шелковой материи, похожий на кокарду, посредине которой была вышита золотая лилия, и спросил:

– Ты умеешь читать?

– Нет, не умею, ваше сиятельство.

– Тем лучше. Человек, умеющий читать, часто бывает неудобен. А хорошая у тебя память?

– Да, кажется.

– Отлично! Ну, так слушай же, Гальмало. Ты пойдешь сейчас направо, а я – налево. Я направлюсь к Фужеру, ты – к Базужу. Котомку свою оставь при себе – это придаст тебе вид крестьянина; а оружие свое спрячь. Выдерни себе из изгороди палку и постарайся проползти незамеченным вон через то ржаное поле; затем ты проберешься мимо забора, перелезешь через изгородь и пойдешь полем. Старайся избегать прохожих и не ходи большими дорогами и через мосты. Не входи также в Понторсон. Ах, да! – тебе придется перебраться-

ся через реку Куенон! Как ты это сделаешь?

– Я ее переплыву.

– Хорошо! Да, впрочем, на ней есть и брод. Тебе он незнаком?

– Как же! Между Ансеем и Вьевииеллем.

– Отлично! Сейчас видно, что ты местный уроженец.

– Но уже приближается ночь. Где вы ее проведете, ваше сиятельство?

– Это уже мое дело. А ты где переночуешь?

– По дороге встретятся ямы от выбранного мха. Прежде чем стать матросом, я был крестьянином.

– Брось свою матросскую шапку: она может выдать тебя. Авось, где-нибудь найдешь какой-нибудь картуз.

– О, крестьянскую шапку нетрудно найти! Первый же встречный рыбак продаст мне свою.

– Хорошо! Теперь слушай. Тебе хорошо знакомы леса этой местности?

– Я знаю каждый лесок от Нуармутье и до Лавалья.

– Ты и названия их знаешь?

– Мне известны и леса и их названия, – мне все известно.

– Хорошо! Теперь слушай внимательно, что я скажу тебе, и постарайся хорошенько удержать это в своей памяти. Сколько миль ты можешь пройти в день?

– Десять, пятнадцать, восемнадцать. Если понадобится, – и все двадцать.

– Да, пожалуй, понадобится. Слушай же внимательно. Не

пророни ни единого слова из того, что я скажу тебе. Ты отправишься к Сент-Обенскому лесу, возле Ламбалля. На краю оврага, который тянется между Сен-Риэлем и Пледелиаком, ты увидишь большое каштановое дерево. Там ты остановишься. Ты никого не увидишь...

– Но это не значит, что там никого не будет. Понимаю.

– Ты подашь сигнал. Знаешь ли, какой нужно подать сигнал?

Гальмало надул щеки, повернулся лицом к морю и закричал по-совиному. Крик этот раздался точно из ночной тьмы; сходство было поразительное.

– Хорошо, – проговорил старик, – я вижу, что ты молодец. Вот, – продолжал он, подавая Гальмало свою зеленую шелковую кокарду, – условный знак. Возьми его. Необходимо, чтобы пока никто не знал моего имени. Но этой кокарды достаточно. Эта лилия вышита ее высочеством, сестрой короля, в Тампльской тюрьме.

Гальмало преклонил одно колено, принял со священным трепетом во всем теле кокарду с лилией из рук старика и уже поднес, было, ее к своим губам, потом, как бы сам испугавшись своей дерзости, он спросил робким голосом:

– Смею ли я приложиться к ней?

– Да, ибо ты целуешь то же распятие.

Гальмало поцеловал вышитую лилию, а старик произнес:

– Теперь встань.

Гальмало поднялся с земли и бережно спрятал кокарду за

пазуху.

– Ну, так слушай же хорошо, – продолжал старик. – Вот пароль: «К оружию! Не давать пощады!» Итак, на опушке Сент-Обенского леса ты трижды прокричишь этот пароль. При третьем возгласе ты увидишь человека, выходящего как бы из-под земли.

– Из ямы под одним из деревьев, – знаю.

– Человек этот – Плашпено; у него есть еще прозвище – «Королевское Сердце». Ты покажешь ему эту кокарду: он поймет. Затем ты отправишься, какими уж сам знаешь дорогами, к Астильескому лесу. Там ты встретишь кривоногого человека, не дающего никому пощады. Его прозвище Мускетон. Ты скажешь ему, что я ему кланяюсь и чтобы он поднял свои приходы. Затем ты отправишься к Кубонскому лесу, в одной миле от Плоэрмеля. Ты крикнешь по-совиному; из углубления выйдет человек: то будет господин Тюо, плоэрмельский сенешал, бывший членом так называемого учредительного собрания, но стоявший в нем за законность. Ты скажешь ему, чтобы он вооружил Кубонский замок, принадлежащий эмигрировавшему маркизу де Геру. Ты найдешь там рвы, перелески, неровную почву, – вообще очень удобную местность. Господин Тюо – человек прямой и умный. Дальше ты отправишься в Сен-Гюэн-Летуа и разыщешь там Жана Шуана⁵⁸, которого я считаю настоящим предводителем. По-

⁵⁸ Шуан – прозвище Жана Коттеро (1757–1794) – предводитель шуанов, от него получивших свое название. Сапожник и контрабандист, 15 августа 1792 г. встал

сле этого ты пойдешь в Вилль-Англозский лес, увидишь там Гиттера, по прозванию Сен-Мартен, и скажешь ему, чтобы он тщательно наблюдал за неким Курменилем, зятем старика Гупиля де Префельна⁵⁹, предводительствующим аржантонскими якобинцами⁶⁰. Хорошо запомни все, что я тебе говорю. Я ничего не излагаю письменно: так оно будет вернее. Ла Руари слишком много писал и этим погубил все дело. Затем ты отправишься в лес возле Ружфэ, где ты найдешь Мьелетта, перепрыгивающего через рвы с помощью длинного шеста. Умеешь ли ты пользоваться таким шестом?

– Еще бы! На то я и бретонец и крестьянин! Мы постоянно пользуемся такими шестами. Они увеличивают наши руки и удлиняют наши ноги.

– Другими словами, они приближают неприятеля и сокращают путь. Хороший снаряд.

– Один раз мне пришлось отбиваться при помощи такого шеста от трех соляных приставов, вооруженных саблями. Тому прошло уже десять лет.

– Значит, это было еще при короле?

во главе восстания, организовавшегося в защиту короля. Поддерживал связь с восставшими в Вандее. Погиб в бою.

⁵⁹ Гупиль де Префельн (?—1801) – деятель Великой французской революции, избран в 1779 г. в Генеральные штаты. В 1795 г. избран в Совет старейшин, впоследствии был его председателем.

⁶⁰ Якобинцы – революционеры, члены политической партии времен Великой французской революции. С 31 мая 1793 г. по 27 июля 1794 г. находились у власти. Это время вошло в историю как период террора.

– Да, конечно!

– Значит, ты оказывал сопротивление властям еще при короле? Кому же это ты сопротивлялся?

– А ей-богу, не знаю! Я провозил корчемную соль – вот и все. У нас это называлось – оставлять с носом соляных приставов. Но ведь одно дело – пристава, другое дело – король.

– Ну, это рассуждение не совсем верно. Впрочем, тебе все равно этого не понять.

– Прошу извинить меня, ваше сиятельство, если я сболтнул что-нибудь лишнее.

– Это ничего не значит. Теперь дальше! Знаком ли тебе замок Тург?

– Еще бы не знаком! Я тамошний уроженец. Ведь я родился в Паринье.

– Да, действительно, замок Тург недалеко от Паринье.

– Знаком ли мне Тургский замок! Да ведь это родовой замок моих господ! Старое здание отделяется от нового толстыми железными воротами, которых и пушками не пробьешь. В новом замке хранится знаменитая книга о святом Варфоломее, которую приезжали смотреть издалека. А сколько там лягушек! Ребенком я часто, бывало, играл с этими лягушками. Там есть еще подземный ход; я его знаю. Быть может, уже и не найдется другого человека, которому он был бы знаком.

– Какой подземный ход? Я не знаю, о чем ты говоришь.

– Он проложен еще очень давно, когда Тургский замок

подвергался осадам. Осажденные имели возможность в случае опасности спастись через подземный ход, выводивший их в лес.

– Действительно, подобные подземные ходы существуют в Жюпельерском замке, а также в Гюнодейском и в Шампёнской башне; но ничего подобного в Тургском замке нет.

– Извините меня, ваше сиятельство, мне ничего неизвестно о тех ходах, о которых вы изволите говорить; но я отлично знаю тургский подземный ход, как местный уроженец. Да к тому же он известен только мне одному. О нем не говорили, потому что это было запрещено еще со времен войн, веденных его сиятельством герцогом Роганом. Но моему отцу эта тайна была известна, и он посвятил меня в нее. Мне известен и потайной вход и потайной выход; я могу попасть и из лесу в башню и обратно – из башни в лес, никем не будучи замеченным. А если неприятель войдет в замок, то скрыться ничего не стоит. Вот что такое Тургский замок. Мне ли его не знать!

– Ты, очевидно, ошибаешься, – проговорил старик после минутного молчания. – Если бы существовал такой секрет, он был бы мне известен.

– Уверяю вас, ваше сиятельство, что я не ошибаюсь. Там еще есть поворотный камень.

– Ну, рассказывай еще. Вы, мужики, верите и в поворотные, и в поющие камни, и в камни, отправляющиеся по ночам на водопой к соседнему ручью. Все это одни побасенки.

– Но я же вам говорю, что я сам поворачивал этот камень.

– Точно так же, как другие слушали его пение! Друг мой, Ла-Тург – крепкая и надежная цитадель, которую нетрудно защищать; но было бы наивно рассчитывать на подземный коридор для выхода из него.

– Но уверяю же вас, ваше сиятельство...

– Нечего терять попусту время, – перебил его старик. – Поговорим лучше о наших делах.

Этот решительный тон заставил Гальмало замолчать. Старик продолжал:

– Итак, слушай дальше. Из Ружфэ ты отправишься в Моншевриерский лес. Там ты встретишь Бенедикта, одного из двенадцати вождей. Это тоже малый не промах. Он читает молитву в то время, как по его приказанию расстреливают людей. Вообще всякая сентиментальность в военное время неуместна. Из Моншевриера ты отправишься...

Здесь он сам себя прервал словами:

– Ах, да, я чуть было не забыл о деньгах, – и вынув из кармана кошелек и бумажник, он отдал их Гальмало и сказал:

– Вот, в этом бумажнике тридцать тысяч франков ассигнациями, цена которых всего три ливра и десять су. Правда, это ассигнации фальшивые, но настоящие стоят немногим больше. А в этом кошельке, заметь, сто червонцев. Я отдаю тебе все, что имею при себе. Мне самому здесь больше ничего не нужно; да оно будет и лучше, если при мне не найдут денег. Итак, я продолжаю: из Моншевриера ты отправишь-

ся в Антрэн, где поводишься с господином Фротте⁶¹; из Антрэна – в Ла-Жюпельер, где ты разыщешь господина Рошкотта⁶²; из Ла-Жюпельера – в Нуарье, где ты увидишь аббата Бодуэна. Ты в состоянии запомнить все это?

– Как «Отче наш».

– В Сен-Брис-ан-Когле ты поводишься с господином Дюбуа-Гюи, с господином Тюрпенем, – в Моранне. Знаешь это укрепленное место? С герцогом Тальмоном – в Шато-Гонтье.

– Но будет ли со мной разговаривать герцог?

– Я же с тобой говорю.

Гальмало поспешно снял с головы шляпу.

– Все тебе окажут самый лучший прием при виде этой вышитой золотой лилии. Не забывай, что тебе придется бывать в местностях, где ты встретишь и горцев, и простую деревенщину. Тебе будет нужно переодеться, – это нетрудно будет сделать. Эти республиканцы до того глупы, что в синем мундире, треугольной шляпе и с трехцветной кокардой можно пройти всюду. Теперь у полков нет никаких отличий, они даже не имеют номеров; всякий надевает на себя те лохмотья, которые ему заблагорассудится. Ты отправишься в Сен-Мервэ и поводишься там с Голье, по прозвищу Гран-Пьер.

⁶¹ Фротте Луи (1755–1800) – французский дворянин, граф, один из предводителей восстания в Нормандии. Попал в плен и был казнен.

⁶² Рошкотт Фортюне Гийом (1769–1798) – французский дворянин, граф, один из руководителей восстания в Вандее. Попал в плен и был казнен.

Далее ты отправишься в Парнейский лагерь, где ты увидишь людей с выпачканными сажей лицами. Они заряжают свои ружья мелкими камнями и двойным зарядом пороха, чтобы производить как можно больше шума, – и прекрасно делают. Ты им скажешь, чтобы они убивали, убивали и убивали. Затем ты пойдешь на стоянку Черная Корова, находящуюся на возвышенности, посреди Шарнейского леса, затем на Авуанскую стоянку, затем в Зеленый лагерь, затем в Муравьиный лагерь. Ты отправишься потом в Гран-Бордаж, называемый также Го-де-Пре; там живет вдова, на дочери которой женат Третон, по прозвищу «англичанин». Гран-Бордаж находится в Келэнском приходе. Ты побываешь у Эпинэ ле Шеврейля, у Силле-Гильома, у Паранна, и вообще у всех предводителей, скрывающихся в лесах. Ты встретишь друзей и скажешь им, чтобы они отправлялись на Верхний и Нижний Мэн; в Вэгском приходе ты увидишь Жана Третона, в Биньоне – Сан-Регрэ, в Бомшане – Шамбору, в Мезонселле – братьев Корбен, и в Сен-Жан-сюр-Эрвэ – Пети Сан-Пера, называющегося также Бурдуазо. Сделав все это и сообщив всем пароль – «к оружию, не давать пощады», – ты присоединишься к великой армии, армии католической и королевской, в том месте, где она будет в то время находиться. Ты увидишь де Лескюра, д'Эльбе, Ла Рошжаклена, – словом, тех предводителей, которые к тому времени будут в живых. Ты покажешь им переданную мною кокарду; им уже известно, что это будет означать. Ты, правда, простой матрос, но Кателино – про-

стой извозчик. Ты скажешь им от моего имени следующее: «Пора вести обе войны одновременно – и большую и малую. Большая производит больше шума, малая скорее приводит к цели. Вандейская война хороша, Шуанская значительно хуже, но в междоусобной борьбе худший способ ведения войны становится лучшим. Результат войны оценивается по количеству причиняемого ею зла».

– Гальмало, – продолжал он после некоторого молчания, – я тебе говорю все это, зная, что ты не понимаешь слов, но понимаешь дело. Ты внушил мне доверие тем, как ты управлял лодкой; не зная геометрии, ты маневрировал на море с величайшей точностью; тот, кто умеет управлять лодкой, может управлять и восстанием; судя по тому, как ты справился с морем, я уверен, что ты успешно справишься со всеми моими поручениями. Итак, я продолжаю. Ты скажешь вождям, хотя бы и своими словами, но приблизительно следующее: «Я предпочитаю войну в лесах войне в открытом поле; я во все не намерен подставлять сто тысяч крестьян под картечь синемундирников и под ядра господина Карно⁶³; но я желаю, чтобы через месяц в лесах были пятьсот тысяч повстанцев.

⁶³ Карно Лазарь Николай Маргерит (1752–1823) – французский политический деятель, граф. Был депутатом в Законодательном собрании и Конвенте. Прикнув к якобинцам и обладая военно-организаторским талантом, взял на себя дело военной организации республики. Сформировал 14 армий, составляя при этом планы военных действий. В 1794 г. был вынужден бежать. С приходом Наполеона к власти вернулся во Францию. Занимал различные посты, в том числе военного министра. Во время Ста дней был министром иностранных дел. После Реставрации был вынужден эмигрировать.

Республиканская армия – это дичь; малая война – та же охота. Я – стратег кустарников». Впрочем, это слово ты опять-таки не поймешь. Но это все равно; зато ты хорошо поймешь следующее: «Не давать пощады!» «Всюду устраивать засады». «Побольше шуанства и поменьше вандейства!» Ты можешь также прибавить, что англичане за нас, что мы желаем поставить республику между двух огней, что Европа нам поможет, что нужно раз и навсегда покончить с революцией. Монархи ведут против нее войну регулярную, мы будем вести войну партизанскую. Вот что ты скажешь. Хорошо ли ты меня понял?

– Да, хорошо. Нужно пройти по всей стране огнем и мечом, не следует давать пощады никому.

– Так, так, – одобрительно кивал головой старик.

– Я побываю везде, где вы приказали.

– Но только будь осторожен. В этих местах смерть стережет человека из-за каждого куста.

– Смерти я не боюсь. Часто младенец, делающий первый шаг, изнашивает последние свои башмаки.

– Да ты, я вижу, молодец!

– А если меня станут спрашивать об имени вашего сиятельства?

– Пока оно никому не должно быть известно. Ты ответишь, что ты его не знаешь, и это будет правда.

– А где я вас снова увижу, ваше сиятельство?

– Там, где я буду.

– А как же я узнаю, где вы будете находиться?

– Это будет известно всем и каждому. Не пройдет и недели, как обо мне все заговорят. Я скоро дам о себе знать, я отомщу и за короля и за религию. Ты сразу поймешь, что говорят именно обо мне.

– Понимаю.

– Смотри же, ничего не забудь.

– Будьте спокойны.

– А теперь отправляйся в путь. Да хранит тебя Господь. Ступай.

– Я исполню все, что вы мне велели. Я пойду, буду говорить, буду повиноваться, буду приказывать.

– Отлично!

– И если я успешно исполню возложенное на меня поручение...

– Тогда я сделаю тебя кавалером ордена Святого Людовика.

– Как моего брата. А если не исполню, то вы велите меня расстрелять?

– Да, точно так же, как и твоего брата.

– Понимаю, ваше сиятельство.

Старик наклонил голову и, казалось, впал в глубокую задумчивость. Когда он снова поднял глаза, он был один, Гальмало виднелся лишь в виде черной точки на краю горизонта.

Солнце только что село. Чайки и другие морские птицы возвращались в свои гнезда. В природе ощущалась та смут-

ная тревога, которая предшествует наступлению ночи. Лягушки квакали, кулики, посвистывая, вылетали из болот, жаворонки, грачи, жужелицы суетливо носились туда и сюда; перекликались прибрежные птицы. Ни один звук не выдавал присутствия человека. Всюду царило глубокое молчание. В заливе не было видно ни одного паруса, в поле – ни одного крестьянина. Повсюду, куда только хватало глаз, была мертвая пустыня. Росший в песке чертополох дрожал от ночного ветра. На морской берег падал сверху бледный свет сумерек. Вдали, в темной равнине, сверкала слабым блеском вода озер, напоминая собою как бы большие оловянные листы, разложенные по земле. С моря дул ветер.

Книга четвертая. Тельмарк

I. Вершина дюны

Старик постоял на месте, пока Гальмало не скрылся из виду, потом укутался плотнее в свой плащ и пошел медленными шагами, с задумчивым видом. Он двинулся по направлению к Гюину, между тем как Гальмало шел к Бовуару.

Позади него возвышалась, в виде громадного треугольника, гора Сен-Мишель, с вершиной, похожей на митру, с укреплениями, похожими на латы, с двумя большими башнями – одной круглой, другой четырехугольной, как бы помогавшими горе нести на себе двойную тяжесть церкви и селения. Своего рода пирамида Хеопса в океане.

Сыпучий песок бухты близ Сен-Мишельской горы постоянно изменяет профиль дюн. В те времена между Гюином и Ардовоном была очень высокая дюна, ныне почти полностью исчезнувшая. Дюна эта, уничтоженная с течением времени ветрами, была очень древней. На ее гребне стоял столб, водруженный здесь в двенадцатом столетии, как памятник о собравшемся в Авранше соборе⁶⁴ по поводу убиения святого

⁶⁴ Авраншский собор – церковный собор, состоявшийся в 1172 г. в Авранше по инициативе английского духовенства (Бретань тогда принадлежала Англии, и здесь же находился двор английского короля) с целью канонизации Фомы Кен-

Фомы Кентерберийского⁶⁵. С вершины этой дюны был великолепный обзор, что позволяло легко ориентироваться.

Старик направился к этой дюне и взобрался на нее. Дойдя до гребня, он, повернувшись спиной к столбу, сел на одну из четырех тумб, стоявших по четырем его углам и, если можно так выразиться, стал изучать расстилавшуюся у его ног географическую карту. Он, казалось, искал дорогу на хорошо известной ему местности. На этом обширном горизонте, слегка подернутом надвигающимися сумерками, земля узкой черной полоской отделялась от белесоватого неба. Можно было различить группы крыш одиннадцати местечек и селений; на расстоянии нескольких миль вдоль побережья виднелось несколько колоколен, которые в этих местах специально строятся очень высокими, чтобы служить маяками для мореплавателей.

По прошествии нескольких мгновений старик, казалось, нашел в сумерках то, чего он искал. Взор его остановился на группе деревьев, стен и крыш, едва видневшихся в долине и похожих на мызу. Он одобрительно кивнул головою, как бы желая сказать: «да, да, здесь»; затем он стал водить пальцем по воздуху, как бы намечая себе путь через поля и изгороди.

терберийского.

⁶⁵ Фома Кентерберийский (Бекет) (1119–1170) – ревностный католик, с 1157 г. канцлер, с 1162 г. епископ Кентерберийский и примас Англии, поддерживал агрессивную политику Англии против Франции. Вступил в непримиримый конфликт с королем Англии Генрихом II и был убит по его приказу. В 1172 г. канонизирован как святой.

Время от времени он всматривался во что-то такое с неясными очертаниями, двигавшееся над крышей главного здания мызы, как бы спрашивая себя: «что бы это такое могло быть?» Но из-за позднего времени он не мог ясно различить этот предмет. То не был флюгер, потому что он развевался, а с другой стороны, это не похоже было и на флаг.

Старик, видимо, устал; он с удовольствием отдыхал на тумбе, на которую уселся, и впал в то смутное забытие, в которое обыкновенно впадают очень уставшие люди в первые минуты отдыха.

В сутках бывают часы безмолвия и тишины. Как раз был такой час. Старик наслаждался им, смотрел, слушал, – что? – безмолвие. Даже самые сильные характеры подвержены меланхолии. Вдруг эту тишину не то чтобы нарушили, а, так сказать, подчеркнули какие-то голоса. То были голоса женщин и детей. В сумерках порой раздается словно какой-то веселый трезвон. Из-за кустарника не видно было группы, из среды которой доносились эти голоса; но по звуку последних можно было заключить, что эти люди проходили у подножия дюны, направляясь к равнине и лесу. Эти чистые и свежие звуки доносились до старика с такой отчетливостью, что он не проронил ни единого слова.

– Нужно торопиться, кума Флешар, – говорил один женский голос. – Сюда, что ли?

– Нет, вон туда, – отвечал другой.

И затем диалог продолжался между обоими голосами, од-

ним – громким, другим – робким.

– А как называется та мыза, на которой мы теперь живем?

– Эрб-ан-Пайль.

– А она еще далеко отсюда?

– Да побольше четверти часа ходьбы.

– Нужно поторопиться. Я что-то сильно проголодалась.

– Да, да, мы порядком запоздали.

– Нам лучше всего было бы пуститься бегом. Но ребяташки ваши устали. Нас только две, и мы не можем тащить на руках троих детей. Да к тому же вы и без того уже тащите одного, кума Флешар. А ведь эта малютка у вас не легонькая. Вы отняли от груди эту свою обжору, а между тем все еще таскаете ее на руках. Зачем вы ее так балуете? Пусть ходит своими ножками. А то у вас суп остынет.

– Какие славные башмаки вы мне дали! Точно на заказ сшиты по моей ноге.

– Еще бы! Не босиком же вам бегать! Ну, торопись, торопись, Рене-Жан.

– Да, он-то нас и задержал. Ему нужно непременно болтать со всеми встречными крестьянскими девочками. Не угодно ли! От земли не видать, а уж начинает ухаживать.

– Года его уже такие. Ведь ему пятый год на исходе.

– Скажи-ка, Рене-Жан, о чем тебе нужно было болтать с этой девчонкой в деревне?

– Она моя знакомая, – ответил детский голос, очевидно, голос мальчика.

– Откуда же ты ее знаешь? – продолжала женщина.

– Знаю, – ответил мальчик, – она подарила мне сегодня таких хорошеньких зверьков!

– Скажите на милость! – воскликнула женщина. – Мы в этих местах всего третий день, этого мальчугана от земли не видать, а уж успел обзавестись знакомствами.

Голоса удалились. Наступила тишина.

II. Aures habet, et non audit⁶⁶

Старик оставался сидеть неподвижно. Он ни о чем не думал, да и едва ли что-нибудь соображал. Вокруг него все было ясно, тихо, все дремало в доверчивом сне. На вершине дюны было еще светло, но в долине уже были сумерки, а в лесу было совсем темно. На востоке поднималась луна, а в зените мерцало несколько звезд. Этот человек, хотя и сильно озабоченный, очевидно, отдыхал среди вечерней тишины и спокойствия. В душе его брезжилась заря надежды, если только слово «надежда» применимо к ожиданию ужасов междоусобной войны. В настоящую минуту ему казалось, что, покинув столь суровое для него море и ступив на землю, он избег всякой опасности. Никому неизвестно было его имя, он был одинок, след его пропал, так как на морской поверхности не остается никаких следов. Никто даже не подозревал о его пребывании в этих краях. Им овладело чувство

⁶⁶ Имеет уши, но не услышит (*лат.*).

полного успокоения. Еще немного – и он бы заснул.

В глазах этого человека, жертвы стольких бурь, и внешних и внутренних, эти переживаемые им минуты покоя получали особую прелесть, ввиду полной и безусловной тишины как на небе, так и на земле. Только и слышно было, что отдаленный шум моря; но к этому гулу обычно до такой степени привыкают, что перестают обращать на него внимание.

Вдруг он поднялся. Внимание его было внезапно пробуждено; он стал пристально всматриваться в горизонт. Взор его был обращен на Кормерейскую колокольню, возвышавшуюся перед ним из глубины долины. На этой колокольне, действительно, творилось что-то необыкновенное.

Силуэт ее ясно вырисовывался на небе. Возле церкви пирамидальной формы возвышалась четырехугольная, сквозная, без навесов, открытая со всех четырех сторон, согласно бретонскому обычаю, башня. Но, – странное дело! – проем одного из ярусов этой башни, казалось, то открывался, то закрывался; через равные промежутки высокое окно его казалось то белым, то черным пятном; сквозь нее то просвечивало небо, то не просвечивало, то светлело, то темнело; и этот свет и эта тень каждую секунду чередовались между собою с правильностью молота, опускающегося на наковальню.

Эта Кормерейская колокольня находилась на расстоянии приблизительно двух лье от старика. Справа от нее, приблизительно на таком же расстоянии, возвышалась другая колокольня, Баже-Пиканская. Один из просветов в ее стене то за-

крывался, то открывался, точно так же, как и на Кормерейской башне. Он взглянул налево, по направлению к Танису: то же самое явление замечалось и на Танисской колокольне. Он стал поочередно вглядываться во все окрестные колокольни: налево – в Куртильскую, Пресейскую, Кроллонскую и Авраншенскую; направо – в Куэнонскую, Мордрейскую и Пасскую, прямо против него – в Понторсонскую. Просветы во всех этих колокольнях поочередно становились то светлыми, то темными.

Что бы это могло означать? А то, что во все колокола этих колоколен звонили. Будучи сильно раскачены, они то появлялись, то снова скрывались. Но что же это был за звон? Очевидно, набат.

Били в набат, били в него неистово, повсеместно, во всех селениях, приходах, на всех колокольнях.

А между тем ничего не было слышно. Объяснялось это дальностью расстояния и тем, что ветер дул с моря и относил звуки колоколов в противоположную сторону. Странное и неприятное впечатление производили эти сильно качавшиеся колокола и в то же время это мертвое молчание.

Старик всматривался и вслушивался. Он не слышал набата, но он его видел. Видеть набат – это довольно странное ощущение.

Кого же, однако, сзывали эти колокола? Против кого был этот набат?

III. Польза крупных букв

Очевидно, кого-нибудь преследовали. Но кого?

Этот точно вылитый из стали человек задрожал. А между тем не могли же эти колокола призывать к охоте на него. Не могли же узнать так быстро члены Конвента⁶⁷ о его прибытии; ведь он только что ступил на берег. Весь экипаж корвета, конечно, погиб до единого человека; да к тому же никому на корвете, за исключением Буабертло и Лавьевилля, не было известно его настоящее имя.

Колокола продолжали неистово гудеть. Он машинально начал пересчитывать их, и мысли его, переходя от одного предположения к другому, стали колебаться между сознанием полной безопасности и смутным опасением какой-то неизвестной беды. Однако этот набат, в конце концов, можно было объяснить самым естественным образом, и он окончательно успокоился, сказав себе: «Да ведь, наконец, никому неизвестно о моем прибытии и никому неизвестно мое имя».

По прошествии нескольких секунд он услышал легкий шелест позади себя и над своей головой, похожий на шелест колеблемой ветром листвы. Сначала он не обратил на него никакого внимания; но так как шелест этот продолжался,

⁶⁷ Конвент – Национальный Конвент, представительное собрание во время Великой французской революции избранное после низложения короля 10 августа 1792 г. и прекратившее свою деятельность в октябре 1795 г. после термидорианского переворота.

то он, в конце концов, повернул голову. Это, действительно, оказался лист, но только лист бумаги. Ветер наполовину сорвал прикрепленную над самой его головой к столбу большую афишу. Она, очевидно, была приклеена здесь лишь очень недавно, так как она была еще очень сыра и шелестела под порывами ветра. Старик взобрался на дюну с противоположной стороны и потому сначала не заметил этой афиши.

Он встал ногами на тумбу, на которой сидел, и стал придерживать рукою отрываемый ветром угол афиши. Небо было ясное, а в июне месяце сумерки продолжаются долго; внизу, под дюной, было уже темно, но на вершине ее еще достаточно светло. Афиша была отпечатана настолько крупными буквами, что их было нетрудно разобрать. Вот что он прочел:

«Французская республика, единая и неделимая.

Мы, Приэр, депутат Марнского департамента, находящийся при войсках Шербургского отряда, сим предписываем: бывший маркиз Лантенак, виконт Фонтенэ, именующий себя бретонским принцем, тайно высадившийся на берег близ Гранвилля, сим объявляется вне закона. — За его голову назначается награда. — Тому, кто доставит его живым или мертвым, будет выплачено шестьдесят тысяч ливров. — Сумма эта будет выплачена не ассигнациями, а золотом. — Один батальон Шербургского отряда немедленно будет отправлен на поиски названного бывшего маркиза Лантенака. — Местное население призывается оказывать батальону

всяческое содействие. *Гранвилль, 2 июня 1793 года*». Подписано: «*Приэр*, марнский депутат».

Под этою подписью была другая, написанная гораздо более мелкими буквами, но ее невозможно было разобрать ввиду все более и более сгущавшейся темноты.

Старик нахлобучил шляпу на глаза, застегнул свой капюшон под самым подбородком и быстрыми шагами спустился с дюны. Он, очевидно, нашел, что ему незачем оставаться в этом ярко освещенном месте. Быть может, он и без того просидел здесь слишком долго, так как гребень дюны был единственным более-менее хорошо освещенным местом во всей окрестности.

Спустившись с дюны и очутившись в темноте, он замедлил шаг. Следуя составленному им еще на вершине дюны маршруту, он направился к ферме, имея, по всей вероятности, основание надеяться, что там он будет в безопасности.

Кругом все было пустынно. В этот час люди предпочитают не выходить из дому. Позади одного куста он остановился, скинул с себя плащ, вывернул свою куртку шерстью вверх, надел опять свой плащ из грубой материи, завязал его под подбородком и снова пустился в путь, по тропинке, освещаемой лунным светом.

Он дошел до перекрестка, возле которого стоял старый каменный крест. На подножии креста можно было различить какой-то белый четырехугольник, по-видимому, такую

же афишу, как и та, которую он только что прочитал. Он направился к кресту.

– Куда вы идете? – окликнул его чей-то голос. Он обернулся. Из-за изгороди поднялась фигура какого-то человека, такого же высокого роста, как и он сам, такого же старого и седого, как и он, в еще более изодранных лохмотьях, – словом, двойник, да и только. Человек этот опирался на палку.

– Позвольте вас спросить, куда вы идете? – продолжал незнакомец.

– Сначала вы мне сами скажите, где это я? – проговорил старик с почти надменным спокойствием.

– Вы в Танисском поместье, – ответил незнакомец. – Я здешний нищий, а вы здешний помещик.

– Я?

– Так точно, господин маркиз Лантенак.

IV. Попрошайка

Маркиз Лантенак, с этих пор мы так и будем его называть, серьезно ответил:

– Верно! Значит, вы можете меня выдать.

– Мы оба здесь у себя дома, – продолжал неизвестный, – вы – в замке, я – в кустах.

– Не в том дело! Кончайте, выдавайте меня, – перебил его маркиз.

– Вы пробирались к ферме, не так ли? – спросил незнако-

мец. – Не ходите туда.

– Почему?

– Потому, что там вот уже три дня как объявились синие мундиры.

– Да? Ну и что же, обитатели фермы и хутора оказали им сопротивление?

– Нет, они отворили им ворота.

– Вот как! – процедил маркиз сквозь зубы.

– Видите ли вы эту крышу, господин маркиз? – спросил незнакомец, указывая пальцем на крышу, возвышавшуюся на некотором расстоянии из-за деревьев. – Видите ли вы что-нибудь над этой крышей?

– Вижу флаг.

– Да. Трехцветный, – прибавил незнакомец.

Это был тот самый предмет, который обратил на себя внимание маркиза, когда тот стоял на гребне дюны.

– А мне также показалось, что били в набат, – продолжал маркиз. – По какому поводу?

– Да по какому же еще, как не по поводу вас!

– Но теперь его уже не слышно.

– Потому что ветер относит звук, – ответил незнакомец. – А читали ли вы касающуюся вас афишу? Знаете ли вы, что вас разыскивают? – и, бросив взгляд по направлению к ферме, он прибавил: – Там целый полубатальон республиканцев-парижан.

– Ну, так идем же туда, – сказал маркиз и сделал шаг по

направлению к ферме.

– Ради Бога, не ходите туда, – проговорил незнакомец, хватая его за руку.

– А куда же мне идти?

– Да хотя бы ко мне.

Маркиз пристально взглянул на нищего.

– Послушайте, господин маркиз, у меня вы не найдете удобств, но найдете безопасность. Хижина моя не выше погребка. Вместо постели – охапка водорослей, вместо потолка – плетенка из ветвей и травы. Но все равно, идемте. На ферме вас расстреляют; у меня же вы, по крайней мере, уснете. Вы, должно быть, сильно устали. А завтра утром синие мундиры уйдут, и вы вольны будете отправиться, куда вам заблагорассудится.

– Но чью же сторону вы держите? – спросил маркиз, пристально глядя на нищего. – Кто вы такой? Республиканец? Роялист?

– Я – бедняк.

– Ни роялист ни республиканец?

– Кажется, ни то ни другое.

– Но все-таки, что же вы – за или против короля?

– У меня нет времени этим заниматься.

– Но что же вы думаете о всех последних событиях?

– Я думаю только о том, как бы прокормиться.

– Однако же вы вызываетесь мне помочь?

– Я узнал, что вас поставили вне закона. Что такое после

этого закон? Как можно быть вне закона? Я этого не понимаю. Впрочем, и я, пожалуй, стою вне закона. Мне, по крайней мере, это неизвестно. Разве умирать с голоду значит стоять в пределах закона?

– А давно ли вам приходится умирать с голоду?

– С тех пор, как я себя помню.

– И в то же время вы вызываетесь меня спасти? С какой стати?

– Потому, что я сказал себе: вот еще более несчастный человек, чем я. Я, по крайней мере, имею право дышать, а он и этого права не имеет.

– Это верно! И вы решили меня спасти?

– Без сомнения! Теперь ведь мы братья, ваше сиятельство. Я прошу хлеба, вы просите жизни. Мы оба – нищие.

– Но известно ли вам, что за мою голову назначена награда?

– Известно.

– Каким образом вы это узнали?

– Потому, что я прочел объявление.

– Вы, значит, умеете читать?

– Да, и писать также. С какой стати мне быть скотиной?

– Ну, если вы умеете читать и прочли объявление, то вам должно быть известно, что человек, который выдаст меня, получит в награду шестьдесят тысяч франков.

– Да, знаю, и вдобавок еще золотом, а не ассигнациями.

– Ведь шестьдесят тысяч франков, это – целое состояние.

Значит, вы могли бы разбогатеть.

— Ну, так что же? Я об этом подумал. Увидев вас, я сказал сам себе: как подумаешь, — человек, выдавший этого старика, получит шестьдесят тысяч франков! Поторопимся укрыть его.

Маркиз пошел вслед за нищим. Они вошли в чашу, в которой была скрыта его берлога. Это было не что иное, как отверстие под старым дубом; оно было вырыто под корнями дерева и прикрыто сучьями. Оно было низко, темно, незаметно для глаза. В нем было место для двоих.

— Я предвидел, что мне, быть может, придется принимать у себя гостя, — заметил нищий.

Такого рода подземные жилища встречаются в Бретани чаще, чем многие думают, равно как и ниши, проделанные в толстых стенах. Вместо всякой мебелировки в них бывает лишь связка соломы или промытых и высушенных морских водорослей, кусок дерюги вместо одеяла, несколько горшков, сальный огарок, огниво и связка лучин.

Они нагнулись, немного проползли и очутились в подземелье, разделенном толстыми корнями как бы на несколько отделений; здесь они уселись на мешке, набитом сухими водорослями и заменявшем постель. Сквозь образуемое двумя корнями отверстие, служившее в одно и то же время и дверью, и окном, проникало немного света. Правда, уже наступила ночь, но глаза привыкают даже к самому слабому освещению. В одном углу стояла кружка воды и лежали маисовая

лепешка и горсть-другая каштанов.

– Ну что же, поужинаем? – пригласил нищий своего гостя. Они по-братски разделили каштаны, маркиз достал свой сухарь, и они поочередно откусывали от него и пили воду из кувшина. Постепенно завязался разговор. Маркиз стал расспрашивать своего нового знакомого.

– Значит, что бы ни случилось – вам совершенно все равно?

– Да, более или менее. Ваше дело другое, вы – господа. Это дело господское.

– Но наконец-то, что творится кругом...

– Не нашего это ума дело, – перебил его нищий, – это творится наверху, над нашими головами. Еще выше творится и многое другое: солнце восходит, луна прибывает и убывает. Вот это меня действительно интересует.

Он глотнул из кувшина и сказал:

– Какая славная, свежая вода!

Затем он прибавил:

– Как вы находите эту воду, ваше сиятельство?

– А как ваше имя? – спросил, в свою очередь, маркиз, не отвечая на его вопрос...

– Мое имя – Тельмарк, а мое прозвище – Попрошайка или Нищий. Меня прозвали также «Стариком». Да, вот уже сорок лет, как меня зовут «Стариком», – прибавил он.

– Сорок лет! Да в то время вы были молоды!

– Я никогда не был молод. Вот вы, господин маркиз, все-

гда останетесь молодым. У вас такие же прыткие ноги, как у двадцатилетнего юноши; вы без труда взбираетесь на высокую дюну. Мои же ноги совершенно отказываются служить мне; пройдя с четверть мили, я уже чувствую усталость. Мы, однако, приблизительно одних лет с вами. Но богатые люди имеют за собою то преимущество, что они едят каждый день. А хорошая еда сохраняет человека.

Помолчав немного, нищий продолжал:

– Вот что ужасно, что есть богатые и бедные. Это-то и вызывает катастрофы. Мне, по крайней мере, так кажется. Бедные желают быть богатыми, богатые не желают становиться бедными. Вот в этом-то и вся суть. Я, впрочем, в это дело не вмешиваюсь; события идут своим чередом. Я не стою ни за кредитора ни за должника. Я знаю, что если существует долг, то нужно заплатить по этому долгу. Вот и все. Я предпочел бы, чтобы они не убивали короля, хотя я и сам не мог бы толком сказать, почему бы я этого желал. На это мне отвечают: «А как же в прежние времена вздергивали людей на деревьях ни за что ни про что?» Вот видите ли, я собственными глазами видел, как за несчастный выстрел из ружья, сделанный по королевской лани, повесили человека, у которого была жена и семь человек детей. Нечего и говорить – неправы и те и другие.

Он опять помолчал и затем продолжал:

– Впрочем, как я уже сказал вам, я в эти дела не вмешиваюсь. Вокруг происходят такие-то события, все суетятся. Я

же гляжу на звезды и молчу.

Тельмарк опять задумался на минуту и затем прибавил:

– Я немножко костоправ, немножко врач, я знаком с разными травами, извлекаю пользу из всяких растений, крестьяне часто видят меня рассматривающим то, что, по их мнению, не заслуживает внимания, и всему этому я обязан репутацией колдуна. Я размышляю, а они воображают, что, значит, я знаю.

– Вы здешний уроженец? – спросил маркиз.

– Я никогда не покидал этих мест.

– И вы меня знаете?

– Без сомнения. В последний раз я видел вас в последний ваш приезд, два года тому назад. Тогда вы отправились отсюда в Англию. А вечером я заметил какого-то человека на вершине дюны, человека высокого роста. Высокие люди здесь редкость: в Бретани почти все низкорослы. Я стал всматриваться, – я ведь только что прочел публикацию. «Эге!» – подумал я. А когда вы спустились вниз, я, благодаря лунному свету, вас сразу же узнал.

– Я, однако, вас не знаю.

– Вы видели меня, но это, пожалуй, все равно, что вы меня не видели, – и Тельмарк-Попрошайка прибавил: – А я вас видел. У прохожего – одно зрение, у нищего – другое.

– А я вас раньше встречал?

– Часто, ибо я не раз просил у вас милостыни. Я обыкновенно сидел на дороге возле вашего замка. Вы частенько

бросали мне монету; но дело в том, что тот, кто дает, не смотрит, а кто получает – всматривается и наблюдает. Нищий – это тот же шпион. Но я, хотя мне и не весело живется, стараюсь не быть злым шпионом. Я протягивал руку, вы видели только протянутую руку, и вы бросали в нее ту милостыню, которая мне необходима была утром, чтобы не умереть с голоду вечером. Иногда мне приходилось голодать целыми сутками. Порой даже грош – это спасение жизни. Я обязан вам жизнью, – я вам ее возвращаю.

– Да, это правда, вы спасаете меня.

– Так, ваше сиятельство, я вас спасаю, только с одним условием, – прибавил Тельмарк серьезным голосом, – с тем условием, чтобы вы являлись сюда не для того, чтобы причинять зло.

– Напротив, я являюсь сюда для того, чтобы сделать добро.

– Ну, и прекрасно! А теперь давайте спать, – проговорил нищий.

Они улеглись рядом на постели из водорослей. Нищий тотчас же заснул. Маркиз, несмотря на свою усталость, посидел некоторое время в задумчивости, затем, сквозь темноту, пристально посмотрел на нищего и, наконец, тоже лег. Растянуться на этом ложе было все равно, что растянуться на земле; он воспользовался этим для того, чтобы приложить ухо к земле и прислушаться. Под землей раздавался какой-то глухой шум. Известно, что звук особенно хорошо передает-

ся почвой. Слышен был гул колоколов: то продолжал гудеть набат.

V. Подписано: «Говэн»

Когда он проснулся, было уже совсем светло.

Нищий уже был на ногах, но не в берлоге, потому что в ней нельзя было вытянуться во весь рост, а вне ее, возле входа. Он стоял, опираясь на свой посох. Лицо его ярко освещалось утренним солнцем.

— Ваше сиятельство, — сказал он, — на Танисской колокольне только что пробило четыре часа. Я ясно расслышал бой башенных часов; значит, ветер переменился и дует теперь в сторону моря. Никакого другого звука не слышно; значит, в набат перестали бить. На ферме и на скотном дворе в Эрбан-Пайле все спокойно; значит, синие мундиры или спят или ушли. Следовательно, опасность более или менее миновала, и с нашей стороны было бы благоразумнее расстаться. Мне пора уходить. Я иду в ту сторону, — прибавил он, указывая рукой в одно из направлений горизонта. — А вы направляйтесь вон в эту сторону, — продолжал он, указывая рукой в другом направлении. Затем нищий сделал маркизу прощальный жест рукою и произнес, указывая на остатки ужина:

— Возьмите с собой каштаны на всякий случай — может быть, проголодаетесь.

Минуту спустя он скрылся за деревьями. Маркиз тоже

встал и пошел в том направлении, которое ему указал Тельмарк.

Стояло чудное летнее утро. Кругом слышалось пение птиц. Маркиз пошел по той самой тропинке, по которой они пришли накануне. Он вышел из кустов и очутился на перекрестке с каменным крестом. На нем по-прежнему белела афиша, казавшаяся особенно белой и яркой на утреннем солнце. Он вспомнил, что внизу афиши были какие-то слова, которые он не смог прочесть накануне из-за наступавших сумерек. Он подошел к кресту. Действительно, на афише, после подписи «*Приэр*, марнский депутат», значились следующие слова, напечатанные мелким шрифтом: «По удостоверении личности вышеназванного Лантенака, он немедленно будет расстрелян». Подписано: «Батальонный командир, начальник экспедиционной колонны *Говэн*».

– Говэн! – проговорил маркиз и впал в глубокую задумчивость, устремив глаза на афишу, – Говэн, – повторил он. Он снова зашагал, обернулся, взглянул на крест, вернулся назад и еще раз прочитал афишу.

Затем он удалился медленными шагами. Если бы кто-нибудь был тут поблизости, он услышал бы, как маркиз неоднократно повторил вполголоса: «Говэн». Он шел по ложбинке, и ему не видно было крыш фермы, которую он оставил влево от себя. Он шел вдоль довольно крутой возвышенности, поросшей цветущим диким терном из породы так называемого длинноостного. Возвышенность оканчивалась так называе-

мой на местном наречии «кабаньей головой». Подошва возвышенности терялась в гуще деревьев. Листва была как бы вся залита солнечным светом. Природа как будто радовалась прелестному летнему утру.

Вдруг этот веселый, мирный пейзаж стал страшен. На эти залитые солнцем леса и поля обрушился вихрь диких криков и ружейных выстрелов, и в стороне от фермы поднялся густой дым, словно прорезываемый огненными языками, так что вся ферма стала похожа на пылающий сноп соломы. Этот моментальный переход от спокойствия к ярости представлял собою нечто неожиданное и ужасное; это был какой-то сноп яркого адского пламени среди чудной утренней зари, какой-то быстрый переход к мраку. На ферме Эрб-ан-Пайль происходила схватка.

Маркиз остановился.

В подобных случаях у человека любопытство обычно берет верх над чувством самосохранения; он хочет знать, что происходит, хотя бы ему и пришлось погибнуть. Поэтому маркиз взобрался на возвышенность, у подошвы которой пролежала дорога. Правда, его могли здесь увидеть, но зато он видел все. Через несколько минут он очутился на холме и стал смотреть.

Он увидел пожар и дым перестрелки. Слышны были крики, виден был огонь. Ферма, очевидно, была центром какой-то, еще неизвестной ему, драмы. Что такое там происходило? Ферма подверглась нападению? Но кто же на нее на-

пал? Стычка это или просто карательная экспедиция? Синие мундиры, повинувшись декрету революционного правительства, часто наказывали непокорные селения, поджигая их со всех четырех концов; так, ради примера, сжигалась всякая ферма, не сделавшая предписанных законом засек и не прорубившая в чаще леса просек для свободного проезда республиканской кавалерии. Такой экзекуции совсем недавно подвергся Бургонский приход, близ Эрне. Не то ли же самое происходило теперь с Эрб-ан-Пайлем? Было очевидно, что ни одна из стратегических просек, предписанных декретом, не была прорублена в лесах и рощах Таниса и Эрб-ан-Пайля. Быть может, это было наказание; быть может, авангарду, занимавшему ферму, предписано было ее сжечь. Ведь входил же этот авангард в состав одной из экспедиционных колонн, прозванных «адскими колоннами».

Очень густая и почти непроходимая чаща окружала со всех сторон холм, вершину которого маркиз избрал своим наблюдательным пунктом. Эта чаща, называвшаяся Эрб-ан-Пайльской рощей, но скорее похожая на бор, тянулась до самой фермы и скрывала в себе, как и все бретонские рощи, целую сеть оврагов, троп, ложбин, то есть такой лабиринт, в котором республиканским отрядам легко было заблудиться.

Карательная экспедиция, если только это была она, должно быть, была беспощадно жестока, потому что она была непродолжительна. Как всякий грубый факт, она свершилась быстро. Бесчеловечность гражданских войн допуска-

ет подобные жестокости. Пока маркиз, теряясь в догадках, медлил спускаться с дюны или нет, пока он прислушивался, всматривался – шум и грохот прекратились или, вернее сказать, рассеялись. Маркиз мог заметить, как по лесной чаще рассеялась ватага, свирепая и в то же время радостная. Под деревьями закишело точно в муравьиной куче; какие-то люди бросились из фермы в лес. Барабаны били тревогу, ружейная пальба прекратилась, началась как будто облава: кого-то, очевидно, разыскивали, преследовали, гнали; синие мундиры за кем-то охотились; стоял глухой и смутный гул; до маркиза долетали возгласы радости и гнева, среди которых, однако, трудно было что-нибудь разобрать. Вдруг, подобно яркому лучу сквозь густой клуб дыма, в этом беспорядочном шуме отчетливо пронесся один звук: то было одно имя – имя, повторенное тысячью голосов, и маркиз ясно расслышал следующие слова: – Лантенак! Лантенак! Маркиз Лантенак!

Значить, искали именно его.

VI. Случайности гражданской войны

Вдруг вокруг него, со всех сторон разом, среди лесной чащи заблистали ружья, штыки и сабли. Показалось трехцветное знамя, возглас «Лантенак» раздался у самого его уха и под его ногами, в кустах терновника, появились свирепые лица.

Маркиз стоял один, на возвышенности, и его можно было видеть издалека. Он едва мог разглядеть тех, которые выкрикивали его имя, но он сам был виден всем. Он стоял на холме словно мишень для тысячи ружей, наполнявших лес. Он ничего не мог различить сквозь чашу, кроме устремленных на него блестящих зрачков.

Он снял с головы шляпу, приподнял края ее, вырвал длинный сухой шип из куста дикого терна, вынул из кармана белую кокарду, приколол шипом эту кокарду к тулье шляпы и, снова надев шляпу на голову, причем отчетливо видны были белая кокарда и его высокий лоб, произнес громким голосом, как бы обращаясь разом ко всему лесу:

– Я – тот, кого вы ищете. Я – маркиз Лантенак, виконт Фонтенэ, бретонский принц, генерал-лейтенант королевских войск. Исполняйте ваш долг. Пли! – и, распахнув свою куртку из козьей шерсти, он указал пальцем на свою обнаженную грудь. Затем он опустил глаза, как бы отыскивая взором обращенные на него дула ружей, но увидел себя окруженным одними только коленопреклоненными людьми.

Вдруг по воздуху пронесся тысячеголосый клик: «Да здравствует Лантенак! Да здравствует его сиятельство! Да здравствует генерал!» и в то же время шляпы взвились на воздух, сабли засверкали на солнце, и в чаще поднялось множество шестов, на которые были надеты коричневые шапки.

Люди, которых он видел перед собою, принадлежали к отряду вандейцев и весь этот отряд преклонил пред ним коле-

ни.

Есть предание, что в старину в Тюрингских лесах жили необыкновенные существа из породы великанов, похожие на людей, но не совсем люди. Римляне считали их страшными зверями, а германцы смотрели на них, как на полубогов. Одни старались их всех истребить, а другие – боготворили. Маркиз очутился в положении подобного существа, когда оно, думая, что с ним сейчас поступят, как с чудовищем, вдруг видит, что ему, напротив, воздаются почести как богу.

Все эти глаза, еще за минуту перед тем горевшие свирепым блеском, устремились теперь на маркиза с выражением благоговения.

Толпа была вооружена ружьями, саблями, косами, кирками, дубинами; у всех были на головах широкополые войлочные шляпы или коричневые шапочки с белыми кокардами; на каждом висели четки или амулеты. Одеты они были в широкие шаровары, доходившие только до колен, в меховые полукафтаны, кожаные гетры, открывавшие голые лодыжки.

Один молодой и красивый человек отделился от этой коленопреклоненной толпы и большими шагами стал подниматься на холм, к маркизу. Человек этот, подобно другим, имел на голове войлочную шляпу с белой кокардой и был одет так же, как и все, в меховую куртку; но на нем было тонкое белье, а руки его были нежны и белы; поверх куртки у него была надета белая, шелковая портупья, на которой висела шпага с позолоченной рукояткой. Взобравшись

на вершину холма, он отбросил в сторону шляпу, снял с себя портупею и, преклонив одно колено, подал маркизу шпагу с портупеей и сказал:

– Мы искали вас и мы вас нашли. Вот шпага главнокомандующего. Все эти люди – ваши подчиненные. До сих пор я был их начальником; теперь я повышен в чине – я ваш солдат. Примите наше почтение, господин маркиз. Приказывайте, господин генерал.

Затем по данному им знаку, из леса вышло несколько человек, несших трехцветное знамя. Люди эти тоже поднялись на холм к маркизу и положили знамя у ног его. Это было то самое знамя, которое он только что видел сквозь деревья.

– Господин генерал, – сказал молодой человек, только что передавший ему шпагу и портупею, – это знамя мы только что отняли у синих мундиров, засевших на мызе Эрб-ан-Пайль. Мое имя – Гавар, ваше сиятельство. Я – бывший крепостной маркиза Руари.

– Хорошо, – ответил старик и со спокойным и серьезным видом опоясался портупеей. Затем, вынув из ножен шпагу и размахивая ею над головой, он воскликнул: – Да здравствует король!

Все вытянулись в струнку, и по лесной чаще пронеслись торжествующие и грозные в одно и то же время крики: «Да здравствует король! Да здравствует наш маркиз! Да здравствует Лантенак!»

– Сколько же вас здесь всего? – спросил маркиз, обраща-

ясь к Гавару.

– Семь тысяч. – Затем он продолжал, спускаясь с возвышенности, между тем как крестьяне раздвигали терновник, чтобы очистить проход Лантенаку: – Ничего не может быть проще, ваше сиятельство. Все это можно объяснить двумя словами: все ждали только искры. Прокламация республики, возвестив о вашем присутствии, подняла всю страну за дело нашего короля. Кроме того, нас уведомил о том гранвилльский мэр, который тоже на нашей стороне; это ведь он спас аббата Оливье. Нынче всю ночь из-за вас били в набат.

– Вот как! – проговорил маркиз.

– Поэтому мы к вам и явились.

– Вас, вы говорите, семь тысяч?

– Да, сегодня семь тысяч, но завтра нас будет пятнадцать. Столько должен поставить наш округ. Когда господин маркиз Анри де-Ларошжаклен отправился к католической армии, тоже целую ночь били в набат, и в одну ночь к нему примкнули десять тысяч человек только из шести приходов: Изернейского, Коркесского, Эшобруаньского, Обьесского, Сент-Обенского и Ниельского. У них не было пороха, но у одного каменщика обнаружилось шестьдесят фунтов, предназначенных для взрывных работ, и господин Ларошжаклен с этими припасами пустился в поход. Мы так и предполагали, что вы должны находиться где-нибудь в этих местах, и искали вас.

– Это вы атаковали синих на Эрб-ан-Пайльской ферме?

– Из-за ветра они не слышали набата. Они ничего не подозревали. Хозяева фермы, простые мужики, оказали им хороший прием. Сегодня утром мы окружили ферму. Все сие спали крепчайшим сном, и в один миг все было кончено. Кстати, я раздобыл там лошадь. Не соблаговолите ли сесть на нее, господин генерал?

– Пожалуй.

Один из крестьян подвел белую лошадь, покрытую кавалерийским чепраком. Маркиз, обойдясь без помощи, которую предлагал ему Гавар, вскочил на коня.

– Ура! – закричали крестьяне. (Нужно заметить, что этот английский возглас вошел в привычку среди прибрежного населения Бретани и Нормандии, находящегося в постоянных сношениях с островами по ту сторону Ла-Манша.)

– Где вы намерены учредить вашу главную квартиру, ваше сиятельство? – спросил Гавар, прикладывая руку к головному убору.

– На первое время в Фужерском лесу.

– Это один из семи принадлежащих вам лесов, господин маркиз.

– Нам понадобится полковой священник, – сказал Лантенак.

– Да ведь у нас есть священник – Сент-Эрбррейский викарий.

– А-а! Знаю! Он не раз приезжал в Джерсей.

– Три раза, ваше сиятельство, – проговорил священник,

выступая вперед из рядов повстанцев.

– Здравствуйте, господин викарий, – обратился к нему маркиз. – Вам теперь предстоит немало работы.

– Тем лучше, господин маркиз.

– Вам придется исповедовать немало народу, то есть тех, кто того пожелает. Насильно не заставишь.

– Господин маркиз, – возразил священник, – отец Гастон из Геменэ заставляет республиканцев исповедоваться.

– На то он и цирюльник, – презрительно заметил маркиз. – Смерть должна быть свободна.

В это время вернулся Гавар, уходивший для того, чтобы сделать кое-какие распоряжения.

– Господин генерал, – сказал он, – я жду ваших приказаний.

– Прежде всего – сборный пункт в Фужерском лесу. Пускай пробираются туда поодиночке.

– Я уже отдал на этот счет приказания.

– Вы, кажется, говорили мне, что жители Эрб-ан-Пайля хорошо встретили синих?

– Да, господин генерал, и я за это сжег ферму.

– А поселок вы также сожгли?

– Нет, ваше сиятельство.

– Сожгите и его.

– Синие пытались защищаться; но их было полтора человека, а нас семь тысяч.

– Из какого они отряда?

- Из отряда Сантерра.
- А-а!!.. того самого, который командовал взводом во время казни нашего короля. Значит, это парижский батальон?
- Не батальон, а полубатальон.
- А как называется этот батальон?
- На знамени его, господин генерал, мы видели надпись: «Батальон Красной Шапки».
- Значит, дикие звери.
- Что прикажете сделать с ранеными?
- Добить.
- А с пленными?
- Расстрелять.
- Их около восьмидесяти человек.
- Так вот всех их и расстреляйте.
- В том числе две женщины.
- И их расстреляйте.
- И трое детей.
- Детей возьмите с собой. Там уж видно будет, что с ними сделать.

С этими словами маркиз погнал своего коня.

VII. Пощады не давать (лозунг коммуны)! Пленных не брать (девиз принцев)!

В то время, как все вышеописанное происходило в Тани-

се, нищий побрел по направлению к Кроллону. Он спускался в овраги и исчезал в темной глухой листве, невнимательный ко всему и внимательный к пустяку, как он сам о том объявил, скорее мечтательный, чем задумчивый, потому что у задумчивого есть впереди цель, а у мечтателя ее не бывает. Он брел, останавливался, перекусывал, где приходилось, щепоткой дикого щавеля, утолял жажду из ручья, порой прислушивался, когда доносился отдаленный шум, и затем снова отдавался ослепительному обаянию природы, подставляя лохмотья под яркие лучи солнца, прислушиваясь больше к пению птиц, чем к звукам людских голосов.

Это был уже старый человек, неспособный быстро ходить. Он, как и объявил маркизу Лантенаку, утомлялся, пройдя с четверть мили. Сделав небольшой крюк по направлению к Круа-Авраншену, он с наступлением вечера повернул в обратную сторону. Пройдя Масэ, он очутился на тропинке, которая вывела его на совершенно голую возвышенность, без малейшей растительности. С возвышенности открывался далекий вид на запад до самого моря.

Его внимание привлек столб дыма, поднимавшийся в воздух. Столб дыма – это всегда и приятно, и страшно. Нет ничего приятнее и нет ничего страшнее. Дым бывает мирный и дым бывает преступный. Густота и цвет дыма являют собой всю разницу между миром и войной, между братством и ненавистью, между гостеприимством и могилой, между жизнью и смертью. Поднимающийся из-за деревьев столб дыма

может являться и символом того, что есть самого лучшего на свете – домашнего очага, и спутником того, что есть самого ужасного на свете – пожара. Часто и все счастье и все несчастье человека заключаются в этом разносимом ветром дыме.

Тот дым, на который смотрел Тельмарк, вселял тревогу. Он был черен, с красными проблесками, свидетельствовавшими о том, что пламя не находило себе равномерной пищи, что оно то ослабевало, то разгоралось над фермой Эрб-ан-Пайль.

Тельмарк ускорил шаг и пошел по направлению к дыму. Несмотря на усталость, его мучило любопытство, и он хотел поскорее узнать, чем вызван этот дым. Он взобрался на гребень косогора, к которому прислонились ферма и скотный двор. Но оказалось, что не было больше ни фермы ни скотного двора. Видна была только куча горящих построек – это были остатки фермы Эрб-ан-Пайль.

Печально, когда горит дворец, но еще печальнее, когда горит хижина. Охваченная огнем хижина – это верх бедствия. Разорение, обрушившееся на бедняка, это коршун, налетевший на земляного червя, – разве это не сжимающая сердце бессмыслица?

Согласно библейской легенде, оглянуться на пожар⁶⁸ –

⁶⁸ ...значит превратиться в соляной столб... – библейская легенда гласит, что Бог, решив уничтожить погрязшие в разврате города Содом и Гоморру, заранее предупредил праведника Лота о грядущей катастрофе, чтобы тот со своими домочадцами успел покинуть город, но ни в коем случае никто не оборачивался на пожар, ибо оглянувшийся превратится в соляной столб.

значит превратиться в соляной столб. Тельмарк на минуту превратился в такой столб. Открывшееся перед его взором зрелище сделало его неподвижным. Все это дело разрушения происходило среди глубочайшего безмолвия. Не слышно было ни единого звука; из клубов этого дыма не раздавалось ни единого вздоха; горнило огня продолжало буйствовать и пожирать строения, но не было слышно никакого иного звука, кроме треска обрушивающихся балок и горящих соломенных крыш. Изредка дым рассеивался, и сквозь обвалившиеся крыши можно было разглядеть охваченные пламенем комнаты; пламя окрашивало в рубиновый цвет эти убогие жилища, и старая, нищенская домашняя утварь появлялась в ярко-алом свете в изумрудной оправе.

Тельмарк был совершенно ослеплен этой жуткой картиной бедствия. Он прислушивался, в надежде услышать человеческий голос, крик, призыв. Но ничто не двигалось, кроме пламени. Неужели же все обитатели фермы бежали? Куда же делась эта живая, работающая группа обитателей Эрб-ан-Пайля? Что стало со всеми этими людьми?

Тельмарк спустился с пригорка. Пред ним стояла неразрешимая и мрачная задача. Он приближался к ней медленными шагами, не спуская с нее глаз. Он приближался к этим развалинам медленно, словно привидение. Перед этой могилой он сознавал себя как бы призраком.

Он подошел к бывшим воротам фермы и заглянул во двор, который теперь уже не имел стен и сливался в одно

целое с группировавшимися вокруг него постройками. Оказалось, что то, что он видел раньше, было ничто по сравнению с тем, что ему предстояло увидеть. До сих пор то, что он видел, было страшно. То, что ему предстояло увидеть, было ужасно.

Посреди двора он увидел какую-то черную кучу, освещаемую с одной стороны луной, с другой – пламенем. Куча эта была грудой людей. Люди эти были мертвы. Вокруг них лежала громадная, слабо дымившаяся лужа. Пламя пожара отсвечивалось в этой луже, которая, впрочем, и без этого освещения была красной: это была лужа крови.

Тельмарк приблизился к куче и стал рассматривать одно за другим распростертые здесь тела: все это были трупы, освещенные с одной стороны луной, а с другой – пламенем.

Все эти трупы были одеты в солдатские мундиры. Все они были босы: очевидно, их разули. С них также снято было оружие; но на них оставили их синие мундиры. Там и сям можно было различить в груды голов и тел пробитых пулями треугольные шляпы с трехцветными кокардами. То были тела республиканцев, тела тех самых парижан, которые еще накануне были все живы и здоровы и составляли гарнизон Эрб-ан-Пайльской фермы. Людей этих, очевидно, расстреляли, на что указывало симметричное падение тел; их убили наповал, и притом весьма аккуратным образом. Из всей груды не раздавалось ни единого хрипа.

Тельмарк осмотрел каждое тело, не пропустив ни одного.

Все они были изрешечены пулями. Те, которые их расстреляли, торопясь, по-видимому, уйти в другое место, не дали себе даже труда их похоронить.

Он уже собирался было уходить, как взор его случайно упал на тянувшийся вдоль двора низкий забор, и он увидел четыре ноги, высовывавшиеся из-за угла этого забора. Эти ноги были обуты в башмаки, и они были меньше остальных. Тельмарк подошел поближе: оказалось, что то были женские ноги. Позади забора лежали рядом две женщины: они также были расстреляны.

Тельмарк наклонился над ними. На одной из женщин было надето нечто вроде мундира; возле нее лежал разбитый пустой жбан, очевидно, это была маркитантка. Голова ее была пробита четырьмя пулями; она была мертва.

Тельмарк стал рассматривать другую, которая одета была в крестьянское платье. Лицо ее было мертвенно бледно, рот разинут, глаза закрыты. На ее голове незаметно было ни единой раны. Платье ее, превратившееся, вероятно, вследствие долгого странствования, почти в лохмотья, было раскрыто на груди, до половины ее обнажая. Тельмарк спустил платье с плеч и увидел на одном плече рану, причиненную ружейной пулей. Была перебита ключица.

– Мать и кормилица, – пробормотал он, глядя на эти бледные груди.

Он дотронулся до нее: тело еще не успело остыть. На ней было незаметно никаких иных ран, кроме перебитой ключи-

цы и раны в плече. Он прикоснулся рукой к сердцу и почувствовал его слабое биение. Женщина была еще жива.

Тельмарк выпрямился и закричал громким голосом:

– Эй, неужели здесь никого нет?

– Это ты, Попрошайка? – раздался в ответ голос, настолько слабый, что его еле было слышно. И в то же время из отверстия высунулась голова. Затем из другой развалины высунулась другая голова.

То были два крестьянина, успевшие укрыться от произошедшей здесь резни – единственные два существа на ферме, оставшиеся в живых. Знакомый им голос нищего успокоил и заставил выползти из укрытия, в которое они забились.

Они подошли к Тельмарку, все еще трясаясь от страха. Со своей стороны Тельмарк, еще за минуту перед тем находивший в себе силы кричать, не мог произнести ни слова: так иногда действует очень сильный страх. Он указал им пальцем на лежавшую у его ног женщину.

– Что она, еще жива? – спросил один из крестьян.

Тельмарк утвердительно кивнул головой.

– А все остальные перебиты, не правда ли? – спросил крестьянин, первый высунувший свою голову. – Я все видел, спрятавшись в погребе. В такие минуты от души благодаришь Бога за то, что Он не дал тебе семейства. Господи Иисусе! Всех перебили! А мой дом сожгли. У этой женщины были дети – трое детей, мал мала меньше. Ребятишки ревели: «Мама», мать кричала: «О, дети мои!» Мать они убили, а

детей увели с собой. Я все это видел, о боже мой, боже мой, боже мой!.. Убивши всех, они ушли, очень довольные своим делом. Мать они убили, а детей увели с собою. Но она не умерла, не правда ли, не умерла? Скажи-ка, Попрошайка, как ты думаешь, можно будет ее спасти? Если хочешь, мы поможем тебе отнести ее в твою конуру.

Тельмарк утвердительно кивнул головой.

Лес был в нескольких шагах от фермы. Они втроем живо смастерили из хвороста и прутьев носилки, положили на них все еще бесчувственную женщину и углубились в чащу. Крестьяне несли носилки, а Тельмарк шел рядом, поддерживая руку женщины и щупая ее пульс.

Дорогой крестьяне разболтались и обменивались над бледным, окровавленным, освещенным луною ликом полумертвой женщины следующими отрывистыми восклицаниями:

– Все перебить! Все сжечь! О, Господи боже мой, что же теперь будет!

– А ведь все это сделано по распоряжению того высокого старика.

– Да, да, он был у них командиром.

– Я его не видел в ту минуту, когда начался расстрел. Он что, был тут же?

– Нет, он ушел раньше. Но все равно, бойня произведена была по его приказанию.

– Так, значит, он во всем виноват?

– Да, я слышал, как он говорил: «Убивайте! Жгите! Не давайте пощады!»

– Говорят, это какой-то маркиз.

– Да еще бы не маркиз! Ведь это наш маркиз и есть!

– А как его фамилия?

– Маркиз Лантенак.

Тельмарк поднял глаза к небу и пробормотал сквозь зубы:

– О, если бы я это знал!

Часть вторая В Париже

Книга первая. Симурдэн

I. Парижские улицы времен Революции

В те времена весь Париж жил на улице. Парижане обедали на столах, поставленных перед дверьми домов; женщины, сидя на церковных папертях, щипали корпию⁶⁹, распевая «Марсельезу»; парк Монсо и Люксембургский сад были превращены в учебные плацы; не было такого переулка, в котором бы не кипела работа оружейников, где не изготавливали бы ружья на глазах рукоплескавшей толпы. Из всех уст только и раздавались, что слова: «Еще немножечко потерпеть! Революция в полном разгаре». Все выглядели героями. Даже театры приняли облик афинских театров времен Пелопоннесской войны⁷⁰. На стенах и заборах были раскле-

⁶⁹ Корпия – перевязочный материал, представлявший собой нитки, нащипанные руками из ветоши. В настоящее время не используется.

⁷⁰ Пелопоннесская война – война 431–404 гг. до н. э. между Афинами и Спартой, поддерживаемыми своими союзниками. Чрезвычайно кровопролитная война, закончившаяся поражением Афин и создавшая предпосылки для установле-

ены афиши вроде следующих: «Осада Тионвилля». – «Мать семейства, спасенная из пламени». – «Клуб беззаботных». – «Папесса Иоанна». – «Солдаты-философы». – «Искусство любить в деревне». Немцы стояли у ворот Парижа. Ходили слухи, будто прусский король велел оставить для себя и своей свиты ложи в опере. Времена были опасные, но никто не боялся. Грозный «закон о подозрительных»⁷¹, сочиненный Мерленом де Дуэ, грозил гильотиной каждой голове. Один прокурор, по имени Серан, на которого был подан донос, ждал, когда придут его арестовать, в халате и в туфлях и играл на флейте у окна. Все куда-то спешили. На всех шляпах были видны трехцветные кокарды. Женщины говорили: «А ведь красные шапочки нам идут». Весь Париж точно куда-то переезжал. Лавки торговцев старым хламом завалены были коронами, митрами, позолоченными скипетрами, гербами с лилиями, вывезенными из дворцов. Падение монархии было заметно на каждом шагу. На крюках у тряпичников висели рясы и стихари⁷². Люди, облеченные в стихари и епитрахии

ния македонской гегемонии в Греции. Описанию этой войны посвящен знаменитый труд Фукидида «История».

⁷¹ «Закон о подозрительных» – закон, принятый Конвентом 17 сентября 1793 г. и послуживший юридическим обоснованием террора. Согласно этому закону, практически каждый человек мог быть обвинен в неблагонадежности и осужден на смерть.

⁷² Стихарь – длинная одежда с широкими рукавами, надеваемая духовенством при богослужении.

ли⁷³ и сидевшие на ослах, покрытых, вместо попон, церковными облачениями, останавливались возле кабаков и требовали, чтобы им налили водки в похищенные из соборов дароносицы. На улице Сен-Жак босоногие каменщики останавливали тележку торговца обувью и в складчину покупали пятнадцать пар башмаков, которые они посылали Конвенту «для наших солдат». Всюду виднелись бюсты Франклина⁷⁴, Руссо, Брута, Марата; над одним из бюстов Марата, на улице Клош-Перс, было прибито, в рамке из черного дерева, под стеклом, подробное мотивированное обвинение против Малуэ⁷⁵, с припискою на полях следующих двух строк: «Подробности эти сообщены мне любовницей Сильвэна Бальи, доброй патриоткой, весьма ко мне расположенной. Под-

⁷³ Епитрахиль – одеяние священника в виде передника с крестами.

⁷⁴ Франклин Бенджамин (1706–1790) – американский просветитель, государственный деятель, ученый, один из авторов Декларации независимости США (1776) и Конституции (1787). Родился в семье ремесленника; работал в типографии. Основал в Филадельфии первую в североамериканских колониях публичную библиотеку (1731), Пенсильванский университет (1740), Американское философское общество (1743). Призывал к отмене рабства негров. По философским воззрениям деист. Сформулировал за полвека до А. Смита трудовую теорию стоимости. Как естествоиспытатель известен главным образом трудами по электричеству, разработал его унитарную теорию. Один из пионеров исследований атмосферного электричества; предложил молниеотвод. Иностраннный почетный член Петербургской академии наук (1789).

⁷⁵ Малуэ Пьер Виктор (1740–1814) – французский политический деятель, депутат Национального собрания, сторонник конституционной монархии. После падения монархии эмигрировал, вернулся с приходом Наполеона к власти. После Реставрации возглавил морское министерство.

писано: Марат». На площади Пале-Рояль надпись на фонтане «*Quantos effundit inusus*»⁷⁶ была закрыта двумя большими акварелями, из которых одна изображала Кайе де Жервиля⁷⁷, сообщающего собранию лозунг арльских шпионов, а другая Людовика XVI, как его везли обратно в Париж из Варенна в его королевской карете, с двумя гренадерами на запятках. Больших магазинов было мало; но зато на улицах часто попадались женщины с тележками, торгующие галантерейным товаром, освещенным сальными свечками, причем сало беззастенчиво капало на товар. На лотках торговали бывшие монахини в белокурых париках; иная работница, штопавшая в балагане чулки, была графиней; в качестве портнихи можно было встретить маркизу; маркиза де Буффлер жила на чердаке, из которого ей виден был бывший ее дворец. Мальчишки, разносчики газет, громко выкрикивали заглавия продаваемых ими изданий. Уличные певцы встречались чуть ли не на каждом шагу. Толпа освистывала Питу⁷⁸, роялистского певца, которого двадцать два раза брали под арест и который был предан суду за то, что хлопнул себя по ляжкам, произнеся «гражданин»; видя, что жизни его угрожает

⁷⁶ «Многим на пользу бьет его струя» (*лат.*).

⁷⁷ Кайе де Жервиль Бон Клод (1752–1796) – деятель Великой французской революции, адвокат, сторонник конституционной монархии. В 1789 г. прокурор-синдик Парижа.

⁷⁸ Питу Луи Анж (1769–1828) – французский поэт и писатель, автор многочисленных песен монархического содержания. Подвергался преследованиям со стороны республиканского правительства.

опасность, он воскликнул: «Да ведь в этом виновата не моя голова, а совсем другая часть тела». Это рассмешило судей и спасло ему жизнь. Этот Питу зло подсмеивался над существовавшей тогда модой употреблять латинские и греческие слова; в любимой его песенке говорилось о каком-то мыловаре «Cujus» и о жене его «Cujusdam». Тут же на улице танцевали карманьолю⁷⁹, но при этом избегали слов «кавалер» и «дама», используя вместо этого: «гражданин» и «гражданка». Плясали в разоренных монастырях, причем на алтари ставились светильники, на потолках, на прикрепленные крестообразно шесты, втыкались свечи, а под ногами пляшущих лежали гробницы усопших. Мужчины носили синие жилеты, называвшиеся «тиранскими». Улица Ришелье была переименована в улицу Закона; Сент-Антуанское предместье – в предместье Славы; на площади Бастилии была поставлена статуя Природы. В толпе произносились имена некоторых прохожих: Шаклэ, Дидье, Никола и Гарнье-Делонэ, карауливших дверь столяра Дюплэ⁸⁰; Вуллана⁸¹, не пропускавшего ни одной казни и ходившего за повозками с осужденными, –

⁷⁹ Карманьола – французская революционная песня-пляска, впервые прозвучавшая в Париже в 1792 г. в связи со взятием дворца Тюильри.

⁸⁰ Дюплэ Морис (ок. 1738—) – деятель Великой французской революции, столяр, у которого на квартире жил Робеспьер. Член Якобинского клуба и Революционного трибунала, участник заговора Бабефа, горячий сторонник Робеспьера.

⁸¹ Вуллан Жан Анри (1751–1801) – французский политический деятель, адвокат. Депутат Учредительного собрания, а впоследствии Конвента, один из организаторов термидорианского переворота.

он называл это «ходить к красной обедне»; маркиза Монфлабера, ставшего членом революционного трибунала и требовавшего, чтобы его называли «Десятое августа». Толпа смотрела, как проходили воспитанники Военной школы, переименованные декретом Конвента в «кандидаты школы Марса» и прозванные народом «пажами Робеспьера». Читались прокламации Фрерона⁸², обвинявшего так называемых «подозрительных» в преступлении «торгашества». Щеголи, толпясь у дверей мэрий, насмехались над людьми, являвшимися туда для заключения гражданских браков, и гурьбой ходили за новобрачными, приговаривая: «муниципально бракосочетавшиеся». Перед зданием Инвалидов на головы статуй, изображавших королей и святых, надеты были фригийские колпаки⁸³. На тротуарных тумбах играли в карты; но и карты не избежали реформ: вместо королей были гении, вместо дам – свободы, вместо валетов – равенства, вместо тузов – законы. Общественные сады возделывались под пашню, в Тюильрийском саду работал плуг. Во всем обществе, в особенности у побежденных классов, сказывалась какая-то скука жизни; кто-то писал Фукье-Тенвиллю⁸⁴: «Будьте так

⁸² Фрерон Станислав Луи Мари (1754–1802) – французский политический деятель, депутат Конвента. Будучи комиссаром в Тулоне, проявил чрезмерную жестокость. Один из организаторов термидорианского переворота.

⁸³ Красный фригийский колпак – головной убор революционно настроенных французов.

⁸⁴ Фукье-Тенвилль Антуан Кантен (1747–1795) – деятель Великой французской революции. Служил шпионом в полиции. В 1793 г. был назначен офици-

любезны – избавьте меня от жизни. Вот мой адрес». Всюду масса газет. Ученики парикмахеров публично расчесывали женские парики, между тем как хозяин их вслух читал «Монитор»; другие, собравшись группами и сильно жестикулируя, рассуждали о только что прочитанном номере «Столкуемся» Дюбуа-Крансэ⁸⁵ или «Труб отца Бельроза». Иногда парикмахеры соединяли это ремесло с ремеслом колбасников, и можно было видеть окорока ветчины и колбасы висевшими рядом с куклой в парике из золотистых волос. Торговцы продавали на улицах «эмигрантскую водку»; у одного из них вывеска гласила, что здесь продается водка пятидесяти двух различных сортов; другие продавали часы в форме лиры и «дивана герцогинь»; на вывеске одного парикмахера можно было прочесть следующее: «Брею духовенство, причесываю дворянство, стригу третье сословие». Ходили гадать на картах к некоему Мартену, жившему в доме № 173 на улице Анжу, которая прежде называлась «Дофиновой». В хлебе, угле, мыле чувствовался недостаток; из провинции пригонялись целые стада дойных коров. Баранина продавалась на рынках по 15 франков за фунт. Согласно решению Коммуны, на каждого человека полагалось по одному фунту на 10 дней. Перед дверьми мясников вытягивался хвост; один из этих хвостов, как гласит предание, простирался от ули-

альным обвинителем Революционного трибунала, где отличался необыкновенной жестокостью. После падения Робеспьера был арестован и казнен.

⁸⁵ Дюбуа-Крансэ (1747–1814) – французский политический деятель, депутат Учредительного собрания, а впоследствии Конвента, якобинец.

цы Пти-Карро до середины улицы Монторгейль. В те времена образовывать очередь называлось «держатъ веревку», так как все стоявшие в хвосте держались за длинную веревку. В эти бедственные времена женщины выказывали кротость и бодрость духа и спокойно проводили ночи у дверей булочных в ожидании, пока их впустят. Революция оказывалась изобретательной на средства: ассигнации были в ее руках рычагом, такса – точкой опоры. Эмпиризм в данном случай спас Францию. Враг в Кобленце и враг в Лондоне – оба вели биржевую игру на ассигнации. По улицам расхаживали девушки, предлагая лавендуловое масло, подвязки и искусственные косы, а также меняя деньги; менялы, в грязных сапогах, с намасленными волосами, в меховых шапках с лисьими хвостами, стояли от улицы Дюперрон до улицы Вивьен; на улице Валуа стояли щеголи, в лакированных сапогах, с зубочистками во рту и с плюшевыми шляпами на голове; девушки обращались к ним на «ты». Толпа преследовала их, равно как и воров, которых роялисты в насмешку называли «деятельными гражданами». Число краж было, впрочем, незначительно: суровая нищета отличалась стоической честностью. Босоногие и голодные оборванцы проходили, серьезно опустив глаза, мимо окон ювелиров в галерее бывшего Пале-Рояля. При обыске, произведенном на квартире у Бомарше⁸⁶, в квартале Сент-Антуан, одну жен-

⁸⁶ Бомарше Пьер Огюстен (1732–1799) – французский драматург, автор комедий «Севильский цирюльник» (1775), «Женитьба Фигаро» (1784) и др.

щину застали срывавшей цветок в саду; толпа горожан осыпала ее пощечинами. Дрова стоили четыреста франков серебром сажень; на улицах можно было видеть людей, распиливавших на дрова свои кровати. Зимой фонтаны замерзли, и вода продавалась по франку ведро; все превратились в водовозов. За луидор давали 3900 франков ассигнациями; извозчикам платили по 600 франков в один конец. Если кто нанимал извозчика на целый день, то вечером не в редкость было услышать следующий диалог: «Сколько вам следует, извозчик?» – «Шесть тысяч франков». Одна торговка продавала зелени на 20 000 франков в день. Нищий говорил: «Подайте, Христа ради! Мне недостает 230 франков, чтобы заплатить за починку моих башмаков». У входов на мосты стояли громадные вырезанные из дерева и размалеванные Давидом⁸⁷ статуи, которые Мерсье⁸⁸ очень непочтительно называл «громадными деревянными болванами»: статуи эти должны были изображать побежденных Коалицию и Фе-

⁸⁷ Давид Жак Луи (1748–1825) – французский художник. Основные его произведения написаны в историческом и портретном жанре – «Клятва Горациев», «Переход Бонапарта через Сен-Бернар» и др. Участие в Великой французской революции привело его к избранию в Конвент, аресту, и только слава художника спасла его от гильотины. Впоследствии стал ревностным приверженцем Наполеона, что отразилось на тематике его творчества. После Реставрации Бурбонов был вынужден эмигрировать в Бельгию, где и умер.

⁸⁸ Мерсье Луи Себастьян (1740–1814) – французский писатель, драматург, автор литературно-теоретических и лингвистических трудов. Будучи убежденным последователем Руссо, всячески распространял его взгляды за пределами Франции. Переводил на французский язык Шекспира, Мильтона, Шиллера, Гете.

дерализм.

Во всей этой толпе незаметно было следов уныния, напротив, сказывалась радость по поводу низвержения престолов. Волонтеры стекались со всех сторон. Каждая улица выставляла по батальону. На улицах то и дело попадались большие знамена с самыми разнообразными девизами; так, например, на знамени Капуцинского округа можно было прочесть надпись: «Никто не станет нас брить». На другом: «Нет больше никаких благородных званий; есть только благородные сердца». На городских стенах и заборах попадались афиши – большие, малые, белые, желтые, зеленые, красные, напечатанные и рукописные, на которых изображалось громадными буквами: «Да здравствует Республика!» Маленькие дети лепетали песенку: «Ca ira!» Эти дети были будущим нации.

Впоследствии трагический характер города заменился характером циническим. Парижские улицы в эпоху революции имели двоякий, резко отличавшийся один от другого вид, – до и после 9 термидора⁸⁹. Париж Сен-Жюста⁹⁰ сменился Па-

⁸⁹ 9 термидора (27 июля) 1794 года – государственный переворот во время Великой французской революции, в результате которого был отстранен от власти Робеспьер и закончился период террора.

⁹⁰ Сен-Жюст Луи (1767–1794) – деятель Великой французской революции, один из организаторов побед французской армии над интервентами в период якобинской диктатуры, член Комитета общественного спасения. Как сторонник Робеспьера во время термидорианского переворота был арестован, приговорен к смерти и казнен.

рижем Тальена⁹¹. Впрочем, подобные антитезы встречались испокон века; после Синая был золотой телец⁹².

Случаи поголовного сумасшествия были нередки в истории человечества; подобный случай во Франции был не далее как за восемьдесят лет до описываемой эпохи. После эпохи Людовика XIV, как и после эпохи Робеспьера, ощущается сильная потребность втянуть в себя побольше воздуха; история Франции XVIII столетия начинается регентством⁹³ и оканчивается Директорией⁹⁴: две сатурналии⁹⁵ после двух

⁹¹ Тальен Жан Ламбер (1767–1820) – якобинец, депутат Конвента с 1792 г., затем один из главных руководителей термидорианского переворота (1794). Отменил Революционный трибунал, всячески старался прекратить террор. Руководил подавлением Прериальского восстания 1795 г. Участник египетской экспедиции Наполеона.

⁹² Речь идет о библейском эпизоде возвращения евреев из египетского плена. По прибытии евреев к подножию горы Синай Моисей поднялся на нее и провел там сорок дней, получив подробные наставления от Бога. За это время народ, предоставленный сам себе, впал в идолопоклонение перед золотым тельцом, изображение которого он себе сделал. Спустившись с горы, Моисей тельца сжег в огне, а главных виновников преступления, в количестве 3000 человек, казнил.

⁹³ После смерти в 1715 г. Людовика XIV и до совершеннолетия Людовика XV Францией до 1723 г. правил герцог Филипп Орлеанский. Этот период при французском дворе отличался распушенностью нравов.

⁹⁴ Директория – во время Великой французской революции название высшей правительственной коллегии, состоящей из пяти лиц (директоров). Существовала в 1795–1799 гг. Свергнута Наполеоном 18 брюмера.

⁹⁵ Сатурналии – праздник Сатурна в Риме. Во время сатурналий как бы снималась разница между рабом и господином, рабы наслаждались временной свободой, пировали вместе со своими хозяевами за одним столом. Своим характером они напоминали возникшие впоследствии карнавалы. Этот популярный празд-

эпох террора. Франция вырвалась из монархии, так же как школьник с бешеной радостью вырывается из пуританского монастыря. После 9 термидора Париж обуяла какая-то безумная радость, не замедлившая принять крайне несимпатичное направление. Неистовое желание смерти сменилось такой же неистовой жаждой жизни, и все величие исчезло. Был у Парижа свой Тримальхион⁹⁶, называвшийся Гримо де ла Реньер; появился «Альманах для обжор». В Пале-Рояль задавались обеды, при звуках фанфар, барабанов и рожков, причем барабанщицами были женщины; наступило царство смычка и песни; у Мео устраивались ужины «по-восточному», среди благоухающих курильниц. Живописец Боз изобразил своих дочерей, прелестных и невинных 16—17-летних девушек, приготовленными для гильотины, то есть с обнаженной грудью и в красных рубашках. Вслед за непристойными плясками в оскверненных церквях явились публичные балы Руджиери, Венцеля, Люкэ, Модюи, госпожи Монтансье; место серьезных «гражданок», щипавших корпию, заняли султанши, дикарки, нимфы; босоногие солдаты, покрытые кровью, грязью и пылью, сменились босоногими женщинами, которые усыпали себя бриллиантами. Вместе с бесстыдством вновь появилась ложь: в высших слоях явились грабители-поставщики, в низших — карманники; последни-

ник существовал до конца античности.

⁹⁶ Тримальхион — главный персонаж произведения Петрония «Пир у Тримальхиона», ставший нарицательным образом выскочки и циника.

ми так и кишел Париж, и обывателю приходилось крепко держаться за свои карманы. Одним из любимых народных развлечений стала прогулка на площади перед зданием суда, где на особых табуретах сидели связанные по ногам и рукам воровки, выставленные на всеобщее позорище. При выходе из театров мальчишки предлагали дрожки с прибаутками, вроде следующей: «Гражданин и гражданка, у меня найдется место для двоих»; на улицах уже не слышно было возгласов: «Старый Сапожник» или «Друг Народа», а слышалось: «Письмо Полишинеля», и «Прошение Мальчишек»; маркиз де Сад⁹⁷ председательствовал в «Обществе Пиковых Валетов», на Вандомской площади. Реакция была в одно и то же время и весела и свирепа: «Драгуны Свободы» 92 года возрождались под именем «Рыцарей Кинжала». В это время на подмостках появился тип простака; наступило время щеголей и щеголих; вместо «честное слово» говорили: «слово жертвы»; от великого быстро перешли к смешному. Здесь повторился замечаемый в Париже ход непрерывного движения. Это – громадный маятник цивилизации; он постоянно переходит от одного полюса к другому, от Фермопил⁹⁸ к

⁹⁷ Сад де Донасьен Альфонс Франсуа (1740–1814) – французский писатель, маркиз. Его произведения отличаются соединением чувственности и жестокости (садизм). Неоднократно преследовался судом, был приговорен к смерти, но помилован и посажен в Бастилию за «содомию и отравление».

⁹⁸ Фермопилы – сражение в 480 г. до н. э., в котором небольшой греческий отряд сдерживал персидскую армию, выигрывая время для отхода основных сил. Это сражение стало синонимом исполнения воинского долга.

Гоморре⁹⁹. После 93 года с Парижем произошло странное затмение; конец века, казалось, забыл свое начало. Началась какая-то оргия, выступившая на первый план и отодвинувшая на задний план недавние ужасы; взрыв хохота заменил крики отчаяния; трагедия исчезла в пародии, и маскарадный чад, в конце концов, затмил на горизонте образ Медузы¹⁰⁰.

Но в то самое время, к которому относится наш рассказ, парижские улицы еще имели тот величественный и мрачный вид, который они получили в начале революции. У них были свои уличные ораторы, вроде Варле¹⁰¹, который произносил свои речи, влезая на крышу небольшого балаганчика на колесах; у него были свои герои, из которых один назывался «капитаном с железной палкой»; свои любимцы, вроде Гюффруа¹⁰², автора памфлета «Ружиф». Некоторые из этих знаменитостей были зловредны, другие, наоборот, полезны и симпатичны. Одна из них представляла странную смесь того и другого: таков был Симурдэн.

⁹⁹ Гоморра – город, погрязший в грехе и уничтоженный за это Богом.

¹⁰⁰ Медуза – единственная смертная из трех горгон, взгляд которых превращал все живое в камень. Была убита Персеем.

¹⁰¹ Варле Жан (1764—?) – деятель Великой французской революции, предводитель радикально настроенных парижских слоев населения. Участвовал в свержении жирондистов, резко критиковал якобинцев за мягкотелость.

¹⁰² Гюффруа Арман Бенуа Жозеф (1742–1801) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента.

II. Симурдэн

Симурдэн был человек честный, но мрачный. Он когда-то был священником, и это обстоятельство наложило на него свой отпечаток. Человеческая душа, подобно небу, может быть в одно и то же время и безоблачна и темна. Звание священника погрузило во мрак душу Симурдэна. Кто однажды был священником – навсегда останется им. Но подобно тому, как в самую темную ночь на небе мерцают звезды, так и на фоне мрачной души Симурдэна блистали достоинства и добродетели.

История его жизни была немногосложна. Первоначально он был учителем в одном знатном доме, а впоследствии – сельским священником; получив небольшое наследство, он отказался от своего прихода. Человек он был в высшей степени упрямый. За каждую мысль он ухватывался, словно клещами; он не считал себя вправе отказаться от какого-нибудь дела, пока не доводил его до конца. Он владел всеми европейскими языками и даже некоторыми иными; он всю свою жизнь, не переставая, учился, что помогало ему оставаться целомудренным. Но подобного рода насилие над человеческой природой представляет своего рода опасность. Став священником, он из гордости, из величия души или по простой случайности, не нарушил своих обетов; но вместе с ними он не сумел сохранить свою веру. Наука сыграла

здесь свою роль. Внимательно всматриваясь в самого себя, он почувствовал себя как бы внутренне искалеченным; но не будучи в состоянии отказаться от своего сана, он постарался переделать себя как личность, только на особый, суровый лад: у него отняли возможность создать семью, он привязался к отечеству; ему отказали в супруге, он полюбил человечество. Но этот громадный объект привязанности по существу является пустотой.

Родители его были крестьянами и, отдавая его в семинарию, мечтали о том, что он пойдет вверх по социальной лестнице; но он добровольно возвратился в народные недра, и притом с какой-то порывистой страстью. Он не мог смотреть на народные страдания без чувства жгучей нежности. Из священника он превратился в философа, а из философа – в бойца. Еще при жизни Людовика XV Симурдэн стал ощущать в своей душе смутные республиканские стремления. Но какова же была его республика? Быть может, платоновская, но, быть может, также и драконовская.

Ему запрещено было любить: он стал ненавидеть. Он возненавидел ложь, деспотизм, теократию¹⁰³, свою священническую рясу; он возненавидел настоящее и устремил свои взоры к будущему; он отчетливо представлял себе его, он ясно видел его перед собой, он предугадывал его – страшным, но в то же время и величественным; он понимал, что для раз-

¹⁰³ Теократия – форма правления, при которой власть принадлежит духовенству.

вязки бедствий человечества должен явиться освободитель, который будет в то же время и мстителем. Он уже издали приветствовал ожидаемую катастрофу.

Когда в 1789 году катастрофа, наконец, наступила, она застала его подготовленным. Симурдэн кинулся в этот водоворот обновления человечества с логичностью и последовательностью, свойственными его натуре. Логика не знает компромиссов. Он пережил все крупные события 1789 года, падение Бастилии, облегчение народных страданий; он пережил 19 июня 1790 года, то есть падение феодализма; он пережил и 1792 год, то есть провозглашение республики. На его глазах поднялась революция; он был не такого закала человек, чтобы почувствовать испуг пред этим великаном; напротив, новые веяния оживили и его; и, будучи почти стариком, – ему было 50 лет, а священник стареет быстрее других людей, – он снова принялся расти вместе с другими, и рост его продолжался из года в год, по мере того как развивались события. Вначале он опасался, как бы революция не потерпела неудачу; он внимательно следил за ее ходом; по мере того как она все больше и больше пугала других, у него на душе, наоборот, становилось все спокойнее. Он желал, чтобы эта Минерва¹⁰⁴, увенчанная звездами будущего, была в то же время и Палладой и чтобы она имела на своем щите го-

¹⁰⁴ Минерва – римская богиня искусств и талантов, покровительница ремесел, под патронажем которой находились ремесленники, учителя, актеры и врачи. В произведениях искусства и литературы послеантичной эпохи отождествлялась с Афиной.

лову Медузы. Он хотел, чтобы она могла в случае необходимости осветить своим божественным светом адские силы и отплатить им ужасами за ужасы.

Так он дожил до 1793 года. Это был год войны всей Европы против Франции и Франции против Парижа. А что такое была революция? Это была победа Франции над Европой и Парижа над Францией. В этом-то и заключалось все громадное значение этого страшного момента 93-го года, момента более важного, чем весь предшествовавший ему век. Нельзя представить себе ничего более трагического, чем Европу, нападающую на Францию, и Францию, нападающую на Париж. Это драма, приближающаяся к эпосе.

93 год был годом величайшего напряжения. Гроза в этом году достигла своей величайшей силы. Эта гроза нравилась Симурдэну; он чувствовал себя как никогда хорошо. Эта волнующаяся, дикая и величественная среда как нельзя более соответствовала масштабам его мыслей. Этот человек, подобно морскому орлу, чувствовал внутри себя глубокое спокойствие, сопряженное с жадой опасности извне. Некоторые натуры, крылатые, мрачные, но спокойные, как бы специально созданы для бури. Порой встречаются такие бурные души.

Он, впрочем, способен был и к состраданию, но оно у него относилось только к несчастным. При виде страдания, навещающего страх на душу, он весь превращался в самопожертвование. Ничто его не отталкивало, — в этом заключалась его

доброта. Помогать другим было для него потребностью; он разыскивал язвы для того, чтобы целовать их. Труднее всего делать добрые дела, неприглядные для взора; и он предпочитал именно такие дела. Однажды в больнице умирал человек, которого душила злокачественная опухоль в горле. Нарыв был ужасный, быть может, даже заразный, и удалить его нужно было тут же, сейчас, немедленно. Случайно Симурдэн оказался рядом. Он припал губами к нарыву, высосал его – и человек был спасен. В то время на Симурдэне надета была еще священническая ряса, и кто-то из присутствовавших сказал ему: «Если бы вы это сделали для короля, вы завтра же были бы епископом». – «В том-то и дело, – ответил Симурдэн, – что для короля я этого бы не сделал». Этот поступок и этот ответ сделали его популярным в бедных кварталах Парижа, и все страждущие, плачущие и недовольные готовы были идти за ним в огонь и воду. Во время народной ярости против спекулянтов, так часто выражавшейся в прискорбных недоразумениях, Симурдэну достаточно было одного слова, чтобы помешать разграблению лодки с грузом мыла, близ моста Святого Николая, и рассеять разъяренную толпу черни, останавливавшую повозки близ Сен-Лазарской заставы.

Симурдэн принадлежал к числу тех людей, внутри которых звучит некий голос и которые прислушиваются к нему. Люди эти кажутся рассеянными. Это неверно: наоборот, они очень сосредоточены. Симурдэн, по-видимому, ничего не

зная, знал, однако же, все, то есть он прекрасно знаком был с науками, но не знаком был с жизнью. У него была повязка на глазах, как у гомеровской Фемиды; в нем была слепая уверенность стрелы, не видящей цели, к которой она летит. В революционные эпохи ничто не может быть опаснее прямолинейности. Симурдэну эта прямолинейность была свойственна. Он был глубоко убежден в том, что при подобных обстоятельствах крайняя точка зрения представляет собою самую надежную почву, то есть он разделял заблуждение, свойственное умам, заменяющим разум логикой. Он шел дальше Конвента, дальше Коммуны¹⁰⁵; был членом так называемого «Клуба епископского дворца».

В те годы в бывшем епископском дворце собиралась группа людей, не вполне довольных действиями Коммуны; тут же присутствовали молчаливые зрители, имевшие при себе, по выражению Гара¹⁰⁶, столько же пистолетов, сколько и карманов. Это было в высшей степени оригинальное собрание, парижское и космополитическое в одно и то же время, что отнюдь не исключает одно другое, так как Париж – это то место, где бьется сердце народов. Здесь происходило великое плебейское каление добела. На фоне этого собрания Конвент казался холодным, а Коммуна – вялой. Епископский

¹⁰⁵ Коммуна – парижский муниципалитет периода Великой французской революции, игравший большую роль в революционном движении.

¹⁰⁶ Гара Доминик Жозеф (1749–1833) – французский политический деятель и писатель. После Дантона был министром юстиции. Во время террора арестован. При Наполеоне был членом Сената.

клуб представлял собой одну из тех революционных формаций, похожих на формации вулканические. В нем можно было встретить всего понемножку: невежество, глупость, честность, геройство, ярость. В нем попадались и агенты герцога Брауншвейгского¹⁰⁷, и истые спартанцы, и прожженные каторжники. Большая часть членов его были честные безумцы. Жирондисты высказали устами Инара¹⁰⁸, временного председателя Конвента, следующие чудовищные слова: Берегитесь, парижане! От вашего города не останется камня на камне, и со временем тщетно будут искать место, на котором когда-то стоял Париж. Эти-то слова и вызвали учреждение клуба в епископском дворце. Нашлись люди, принадлежавшие к самым различным национальностям которые почувствовали потребность сгруппироваться вокруг Парижа. К этой группе людей примкнул и Симурдэн. Эта группа являлась реакцией против реакционеров. Она возникла вследствие той общей потребности в насилии, которая составляет таинственную и вместе с тем страшную сторону всякой революции. Черпая в этом свою силу, клуб епископского дворца сразу занял в Па-

¹⁰⁷ Брауншвейгский герцог Карл Вильгельм Фердинанд (1735–1806) – прусский генерал, участник Семилетней войны. В 1792 г. был назначен главнокомандующим австро-прусской армией в войне с Францией. В 1806 г., командуя прусской армией, погиб в битве при Ауэштедте.

¹⁰⁸ Инар Максим (1751–1830) – французский политический деятель периода Великой французской революции, жирондист, непримиримый враг монтаньяров, депутат Конвента, 17–31 мая 1793 г. председатель Конвента. С падением жирондистов бежал, благодаря чему избег смерти. После казни Робеспьера вновь избран в Конвент. При Наполеоне стал ярым реакционером.

риже заметное положение. В годовину революционных потрясений – Коммуна палила из пушек, Клуб епископского дворца бил в набат.

Симурдэн по своей крайней наивности полагал, что для служения истине дозволены все средства, и это убеждение делало его способным господствовать над крайними партиями. Мошенники видели в нем человека честного и были довольны; даже порочным людям приятно видеть над собой людей добродетельных, хотя это их и несколько стесняет, но все-таки нравится. Паллуа, тот самый архитектор, который сумел извлечь для себя личную выгоду из разрушения Бастилии, продавая ее камни, и который, когда ему было поручено выкрасить тюрьму Людовика XVI, от избытка усердия расписал ее стены цепями и колодками; Гоншон¹⁰⁹, довольно подозрительный оратор из Сент-Антуанского предместья, растративший, как оказалось впоследствии, часть общественных сумм; Фурнье¹¹⁰, тот самый американец, который 17 июня стрелял из пистолета в Лафайета, будучи, как уверяли, подкуплен самим Лафайетом; Анрио¹¹¹, выпущенный из Бисетрской тюрьмы и бывший поочередно лакеем,

¹⁰⁹ Гоншон Антуан (?—1794) – французский генерал, участвовал в подавлении восстания в Вандее.

¹¹⁰ Фурнье Клод (1745–1823) – деятель Великой французской революции, якобинец.

¹¹¹ Анрио Франсуа (1761–1794) – деятель Великой французской революции, якобинец, один из руководителей восстания 1793 г., приведшего к установлению якобинской диктатуры. Казнен термидорианцами.

плясуном на канате, шпионом и вором, прежде чем стать генералом и направить пушки на Конвент; Ларейни¹¹², бывший шартрский старший викарий, сменивший свой молитвенник на «Отца Дюшена»¹¹³; – все эти люди относились с величайшим уважением к Симурдэну, и по временам его чистая и убежденная личность удерживала многих из этих людей не особенно высокой нравственности от предосудительных поступков. В то же время большинство членов этого революционного клуба, состоявшего преимущественно из людей бедных, заблуждающихся, но добрых, верило в Симурдэна и следовало за ним. Помощником его, – или адъютантом, если угодно, – был другой священник-республиканец, Данжу¹¹⁴, особенно популярный у черни за высокий рост и прозванный ею «шестифутовым аббатом». Кроме того, Симурдэн мог бы повести за собой, куда бы только он пожелал, храброго народного предводителя, прозванного «Пиковым генералом», и смелого Трюшона, иначе говоря «Николая Длинного», пытавшегося когда-то спасти графиню Ламбаль¹¹⁵ и подавшего ей свою руку для того, чтобы помочь ей

¹¹² Ларейни Никола Габриэль (1625–1709) – французский политический деятель, в царствование Людовика XIV возглавлял полицию.

¹¹³ «Отец Дюшен» – одна из самых популярных газет периода Великой французской революции, выходившая в 1790–1794 гг. под редакцией Гебера.

¹¹⁴ Данжу Жан Пьер (1760–1832) – деятель Великой французской революции, депутат Конвента, якобинец.

¹¹⁵ Ламбаль Мария-Тереза-Луиза принцесса Кориньян (1749–1792) – близкая подруга королевы Марии-Антуанетты. Как подруга королевы получила разреше-

перешагнуть через трупы; эта попытка, вероятно, и удалась бы ему, если бы тому не помешала жестокая шутка цирюльника Шарло.

Коммуна наблюдала за Конвентом, Клуб епископского дворца наблюдал за Коммуной. Симурдэн, человек прямой, не терпящий никаких интриг, сумел разрушить не одну авантюру из затеянных Пашем, которого Бернонвиль¹¹⁶ называл «черным человеком». Симурдэн находился в этом клубе на равной ноге со всеми. С ним совещались Добсан и Моморо¹¹⁷. Он говорил по-испански с Гусманом¹¹⁸, по-итальянски с Пио, по-английски с Арчером, по-фламандски с Перейрой, по-немецки с австрийцем Проли, внебрачным сыном одного принца. Он умел согласовать несогласуемое. Это придавало

ние разделить с ней заключение в тюрьме. Когда 3 сентября начались убийства в тюрьмах, ее заставили поклясться, что она любит свободу и равенство и ненавидит короля и королеву. Отказавшись от второй половины клятвы, она была растерзана на части, ее голова и сердце были надеты на пики и с ними беснующаяся толпа прошла под окнами тюрьмы, где содержались Людовик XVI с королевой.

¹¹⁶ Бернонвиль Пьер (1752–1821) – французский маршал, маркиз, участник сражений при Жемаппе и Вальми. Был арестован Дюмурье и выдан австрийцам. Впоследствии обменян на дочь Людовика XVI. Проявил себя как посредственный военачальник. Звание маршала получил только после реставрации Бурбонов.

¹¹⁷ Моморо Антуан Франсуа (1756–1794) – деятель Великой французской революции, якобинец. Имел собственную типографию. Казнен после термидорианского переворота.

¹¹⁸ Гусман (1752–1794) – деятель Великой французской революции, испанец. Активно участвовал в борьбе с жирондистами, казнен после свержения Дантона.

ему положение не блестящее, но твердое. Сам Гебер¹¹⁹ боялся его.

В эти времена и среди таких людей Симурдэн пользовался могуществом человека прямолинейного. Это был человек безгрешный, которого другие считали непогрешимым. Никто никогда не видел его плакавшим; это была добродетель недоступная и ледяная. Это был праведник, способный навести ужас на всякого.

Для духовного лица, приставшего к революции, не может быть середины. Священник мог пойти на такое дело лишь из-за самых высоких или из-за самых низких побуждений; он мог стать или героем, или подлецом. Симурдэн оказался героем, но героем одиноким, непонятым, затерявшимся среди общей посредственности; он являлся единственной возвышенной точкой среди безнадежной равнины. Высокие горные вершины имеют общее с девственницей.

Наружность Симурдэна была до крайности заурядна. Одевался всегда очень скромно, можно даже сказать бедно. В молодости он брил макушку; теперь он был лыс, и редкие оставшиеся на его голове волосы поседели. Лоб у него был

¹¹⁹ Гебер Жак Рене (1757–1794) – французский политический деятель, журналист. В 1790 г. начал издавать газету «Отец Дюшен», грубые, циничные, но остроумные статьи которой приобрели ему огромную популярность среди парижской черни. Примыкал к крайнему революционному направлению, после падения жирондистов стал ярым сторонником террора, способствовал уничтожению в Париже христианского богослужения. Считая политику Робеспьера слишком умеренной, призывал к его свержению, за что был арестован и по приговору суда казнен.

широкий и свидетельствовал о недюжинном уме. Говорил он отрывисто и страстно, торжественным, но несколько сухим голосом, не терпящим возражений; взор его был ясен и глубок, на губах никогда не появлялась улыбка, все его лицо несло на себе печать какого-то скрытого негодования.

Таков был Симурдэн, имя которого в наше время вряд ли кому известно. В истории встречаются подобные таинственные незнакомцы.

III. Уголок, не погруженный в реку забвения

Мог ли подобный человек быть человеком? Мог ли слугитель рода людского питать привязанность к какому-нибудь одному человеку? Не слишком ли в нем ум преобладал над сердцем? Могли ли эти объятия, открытые для всех вообще, относиться к кому-нибудь в частности? Мог ли Симурдэн любить?

На это мы прямо ответим: «Да!»

Еще будучи в молодости учителем в одном знатном семействе, он страстно привязался к своему ученику, единственному сыну и наследнику в этом древнем роде. Впрочем, ведь любить ребенка — это так легко! Чего только не простишь ребенку! Невинность возраста заставляет забыть все. Раб прощает ребенку то, что тот — сын его мучителя; старик-негр способен безумно любить белого младенца. — Итак,

Симурдэн страстно привязался к своему ученику. Детство имеет то странное свойство, что оно может исчерпать весь запас любви. Все, что в Симурдэне было способно любить, сосредоточилось на этом ребенке. Кроткое и невинное существо стало в какой-то степени добычей сердца, осужденного на одиночество. Симурдэн любил его всей силой своей души, — как отец, как брат, как друг, как создатель. Это был его сын — сын не по плоти, а по духу. Он не был его отцом; физически — ребенок не был его созданием; но он был его воспитателем, и духовно мальчик был вполне его созданием. Из маленького аристократа он сделал человека, и — кто знает! — быть может, великого человека. Ведь человеку простиительно мечтать. Без ведома семейства, — да разве и нужно позволение для того, чтобы развить ум, волю, характер? — он передал молодому виконту, своему ученику, все свои мысли, он привил ему всю свою добродетель, он перелил в его жилы свои убеждения, свои идеалы; в этот аристократический мозг он влил народную душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.